

**ТАЙНЫ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ**

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО XIII–XV вв.

Национальная
смешанность
крымского населения
Татары на полуострове
Древние города Крыма
Смуты в Золотой Орде
На пути
к независимости

В.Д. СМЕРНОВ

Тайны Земли Русской

Василий Смирнов

Крымское ханство XIII–XV вв.

«ВЕЧЕ»

1887

Смирнов В. Д.

Крымское ханство XIII–XV вв. / В. Д. Смирнов — «ВЕЧЕ»,
1887 — (Тайны Земли Русской)

ISBN 978-5-9533-5795-1

Крымское ханство окончательно сформировалось в XV веке. Оно занимало Крымский полуостров и земли на северо-востоке от него. История Крымского ханства до появления династии Гиреев находится в тесной связи с историей Золотой Орды. Крым считался владением ханов, но резиденцией их никогда не был. Лишь хан Узбек жил там некоторое время. Для других ханов Крым служил временным убежищем во времена дворцовых переворотов; здесь же находили приют татарские узурпаторы и авантюристы. В настоящем издании вниманию читателей предлагается две части книги известного русского историка В. Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века» (1887). Читатель познакомится с предысторией ханства и проследит сложную перипетию перехода власти в Крым с XIII по XV век.

ISBN 978-5-9533-5795-1

© Смирнов В. Д., 1887

© ВЕЧЕ, 1887

Содержание

Предисловие	6
I. Политическое состояние Крымского полуострова со времени проникновения в него тюркской народности до образования особого татарского ханства	22
Конец ознакомительного фрагмента.	57

В. Д. Смирнов

Крымское ханство XIII–XV вв.

© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

Крымский полуостров, несмотря на свой малый территориальный объем, столько соединяет в себе разнообразных свойств и условий, что судьба его с давних времен сосредоточивала на себе внимание пытливых наблюдателей с различных точек зрения – и естественно-исторической, и политической, и этнографической. Особливо в последнем отношении Крым составляет такой пункт, около которого кружится целый рой ученых догадок, соображений, гипотез. В числе их есть такие, которым едва ли суждено быть когда-нибудь доведенными до степени ясных и окончательных положений.

Соприкасаясь одной своей стороной с той частью европейского материка, которая служила проходным пунктом для народных масс, постепенно двигавшихся из Азии в Европу, Крым искони был какой-то впадиной, в которой застревали отрывки этих масс, разнствовавших между собой и по племенному происхождению, и по языку, и по религии. Они, эти отрывки, иногда оседали в нем на вечные времена, продолжая совместно жить в течение веков бок о бок, не сливаясь друг с другом, или же образуя чрез взаимное соприкосновение этнографическую амальгаму. Наглядным признаком такого наслоения народностей, некогда обитавших в Крыму, служит многоименность разных географических пунктов и некоторые археологические памятники, уцелевшие еще до наших времен¹.

Открытый с другой стороны той свободной стихии, которая ранее других физических средств облегчала сношения народов, отделенных один от другого непроходимыми сухопутными преградами, Крымский полуостров также довольно давно стал доступен пришельцам отдаленных стран, которых заносило туда искание материальных выгод посредством торговли и завоеваний.

В этом-то любопытном по своему историческому прошлому и благодатном по своим физическим свойствам уголке суждено было, в числе прочих населявших его народностей, играть одно время выдающуюся роль народности тюркской, имевшей тут своими представителями разные племена свои и образовавшей особый политический центр, известный под именем Крымского ханства.

8 апреля 1883 года праздновалось столетие утраты этим ханством своего самостоятельного политического существования чрез окончательное присоединение его к России. В эти сто лет в Крыму немало совершилось такого, что весьма видоизменило не в одном только политическом отношении характер полуострова: одно выселение татар и прилив множества колонистов других национальных типов придали новую физиономию Крыму в отношениях населенческому и экономическому. Трудно сказать, что станет в будущем с тою горстью тюркского населения, которая еще осталась теперь в Крыму, прошлое же этого населения не настолько было ничтожно, чтобы не заслуживало сохранения памяти о нем в истории. Зауряд с остальными татарами, некогда образовавшими огромное государство, известное под именем Золотой Орды, крымцы памятливы нам тем, что в пору своего могущества досаждали нам своими варварскими опустошительными набегами на наши окраины, сопровождавшимися уводом и продажей в рабство жителей этих окраин. Но справедливость требует, впрочем, не забывать взаимности обид, которые были причиняемы татарами русским и обратно: *плюндрования* крымских владений, которыми в свое время хвастались наши казаки, мало в чем уступали *чапулам* крымских ордынцев, вторгавшихся в русские пределы. Помимо этого, история показывает, что каж-

¹ Из этих последних, например, любопытно небольшое строение в деревне Бакчэ-Или, лежащей по дороге из Карасу-Базара в Салы, имение мурзы Ахмед-Шаха ширинского. Строение это, прежде служившее жилым домом, а теперь брошенное и обращенное в складочный сарай для хлебных продуктов, представляет соединение трех архитектурных слоев. Дом этот носит у местных жителей название Гок-Сарая (Синего дворца), и про него ходят в народе предания и слухи легендарного и даже фантастического свойства.

дый народ чаще бывает мученик, чем баловень судьбы своей; что один народ, творя дела, которые вызвали удивление или досаду и зависть в других современных ему народах, тем самым тогда лишь полагая основание своей последующей гибели. Вот почему войны, набеги, насилия, жестокости, навлекавшие в свое время проклятия на тех, кто их совершал, впоследствии, когда виновники страданий рода человеческого сойдут со сцены бытия, так же охотно созерцаются издали позднейшими поколениями в преданиях истории, как созерцаются никогда не существовавшие в действительности, вымышленные происшествия в творческих произведениях поэзии, как одинаково любопытные для нас явления в области человеческого духа. И в истории, как и в поэзии, люди прежде всего только любят себя, мало помышляя о практических уроках, которые, говорят, составляют одну из существенных полезных сторон истории. С этой точки зрения Крымское ханство представляет любопытный предмет исторического исследования не одним тем, что оно было в свое время страшно для нас своим воинственным варварством; не тем также, что оно послужило узлом, около которого впервые начал очевидно запутываться нескончаемый восточный вопрос; а и тем еще, что оно представляет некоторый своеобразный центр народной жизни, имевшей свои интересы, свои стремления со всей их страстностью и суетой.

Тесные соприкосновения Крымского ханства с окрестными народами – турками, русскими и поляками – оставили следы в документальных памятниках, накопившихся в большом обилии на языках всех этих народов. Такое обилие и разнообразие этих памятников делает вначале невозможным совокупное изучение их до предварительной разработки по частям. Нельзя сказать, чтобы турецкие источники имели абсолютное преимущество пред прочим богатством своего содержания, но, тем не менее, они не могут быть обойдены; а необщепринятость и нераспространенность турецкого языка в ученом мире возлагает на специалистов, посвящающих себя изучению этого языка, справедливую обязанность исследования и приведения в общую известность того, что имеется на этом языке любопытного и важного для истории Крымского ханства, чтобы таким образом для других исследователей, могущих обнять предмет шире, было под руками средство наводить, когда встретится надобность, справки в данных, которые заключаются в памятниках турецкой письменности. Эта задача и должна составить сущность настоящего труда. Настоящее исследование не претендует представить полную историческую картину Крымского ханства, а только свод тех известий, которые находятся в турецких письменных источниках, литературных и документальных, и которые могут или окончательно, категорически подтвердить факты, уже ранее констатированные наукой, но только предположительно, и без достаточных данных; или же пролить свет на явления, доселе пока мало выясненные; или же, наконец, обратить внимание на такие стороны исследуемого предмета, которые оставались вовсе незамеченными.

Нельзя сказать, чтобы предмет настоящего сочинения раньше не подвергался обработке ученых исследователей: на всех почти европейских языках существуют опыты истории Крымского ханства, то в виде специальных сочинений, какова, например, Гаммера *Geschichte der Chanen der Krim unter Osmanischer Herrschaft*. Wien. 1856; то, чаще, в виде отделов в трудах более обширного содержания, какова, например, Говордза *History of the Mongols*. London. 1880, седьмая глава которой, стр. 448–626, содержит в себе историю Крымских ханов; то, наконец, в виде добавочных статей в сочинениях, сюжеты которых ничего не имеют общего с Крымским ханством, как, например, *Notice chronologique des Khans de Crimée, par L. Langlés*, в приложении к *Voyage du Bengale à Pétersbourg*, Paris. An X (1802), t. III, pp. 325–492. Написанная сперва на французском языке и потом переведенная по-русски «История о Таврии» Сестренцевича-Богуша, СПб., 1806 г., книга шестнадцатая которой (т. II, стр. 218–409) тоже посвящена изложению истории «Таврии под властью монголов или татар с 1223 года по 1783», сколько нам известно, есть единственное систематическое сочинение по истории Крымского ханства на русском языке. Для оценки относительных достоинств вышеназванных сочинений не лишне

прежде всего сослаться на отзывы, данные о них другими учеными, с которыми нельзя в этом случае не согласиться. Гаммер-Пургшталь в своем реферате, читанном им в заседании Венской Академии Наук 7 ноября 1852 г. «О напечатанных в Константинополе османских историях», передает содержание только что вышедших тогда в свет двух первых томов истории Джевдета. Говоря про статью первого тома, трактующую об отношениях между Высокой Портой и Крымскими ханами, он делает такое замечание: «Хотя этот отрывок и не содержит в себе “истории Крыма под османским господством”, которая *еще должна быть написана*, несмотря на *Histoire de la Tauride* Сестренцевича и *Histoire de la Nouvelle Russie* маркиза Кастеляна, но все же заключает в себе некоторые важнейшие и блестящие пункты ее» (*Sitzungsberichte der Philosoph.-histor. Classe der Kaiserl. Akademie. Wien. 1856. Band XVIII: 5*). Это замечание, таким образом, есть вместе с тем и приговор над «Историей о Таврии» Сестренцевича-Богуша, и приговор вполне справедливый. Несмотря на то, что сочинение Богуша беспрестанно цитируется всеми последующими авторами, писавшими о Крыме, оно более чем какое другое требует осторожного к нему отношения: столько в нем неточностей, анахронизмов и даже, местами, путаницы, как это будет видно из тех разъяснений и замечок, которые мы должны будем сделать в соответствующих случаях.

Когда Гаммер читал свой отзыв о предыдущих историках Крымского ханства вроде Сестренцевича-Богуша, сам он, вероятно, уже готовил свой собственный труд, который, по его мнению, должен был восполнить пробел, столь решительно указанный им в 1855 году пред сонмом венских академиков. В самом деле, в следующем 1856 году этот труд и вышел под заглавием: *Geschichte der Chane der Krim unter Osmanischer Herrschaft. Aus türkischen Quellen zusammengetragen, mit der Zugabe eines Gasels Schahingerai's. Als Anhang zur Geschichte des Osmanischen Reichs. Wien. 1852*. Это сочинение, написанное, как гласит эпиграф его, «Mit Wahrheit und Liebe», нашло своего ценителя в немецком ученом Цинкейзене, который, еще не читавши книги, уже скептически отнесся к ее достоинствам. «Новейшее и последнее, – говорит он, – сочинение Гаммера *Gesch. d. Ch. d. Krim unter Osman. Herrschaft. Wien. 1856*, которого сейчас еще нет у меня под руками, кажется, как я усматриваю из некоторых полученных мною сведений, не содержит в себе никаких существенных обогащений этой интересной отрасли истории татар»². Строгий критик не переменял своего мнения и после того, как познакомился с книгой Гаммера. Цитируя ее довольно поздно, в шестом томе своей *Geschichte des Osman. Reiches*, хотя уже и раньше неоднократно представлялись случаи к упоминанию о ней, г. Цинкейзен выражает свое недовольство ею в едком замечании, что Гаммер «стяжал бы себе большую заслугу, если бы он в заключение вместо скучной газели татарского принца Шагин-Герая (из начала XVIII столетия), передал по крайней мере главнейшие речи, которые велись по этому предмету (т. е. по вопросу об уступке Крыма) в Диване и относящиеся сюда документы»³. Мы, со своей стороны, можем прибавить в этому отзыву еще следующее. Труд Гаммера вовсе не есть приложение (Anhang) к его же «Истории Оттоманского Государства», а простое извлечение из нее с незначительными добавками из «Гюльбуни-ханан» Халим-Герая и из двух первых томов «Тарихи-Джевдет», которых не было на свете, когда писалась «История Оттоманского Государства». Далее, из двадцати пяти турецких источников, поименованных в начале книги, большая часть остались нетронутыми, не будучи ни разу цитированы; другие цитируются одними своими названиями, без точного указания листов или страниц, на которых находятся излагаемые факты. Наконец, в довершение всего, некоторые факты, правильно изложенные в «Истории Оттоманского Государства», являются искаженными в специальной «Истории Ханов Крымских».

² Zinkeisen, *Gesch. d. Osman. Reiches*. Gotha. 1857, V: 336, op. 3.

³ Op. cit., VI: 454, op. 1.

Гаммер, ставя на вид, что его история составлена *на основании турецких источников* (aus türkischen Quellen zusammengetragen), игнорировал *Notice chronologique des Khans de Crimée* Ланглеса, а между тем этот очерк сочинен также по писателям турецким и персидским (composée principalement d'après les auteurs Turks et Persans). Правда, число этих авторов, которыми он пользовался, очень невелико – всего только три, и то не первостепенных; но способ пользования ими производит менее безотрадное впечатление, нежели прием Гаммера, который имел в своем распоряжении гораздо большее количество источников, но, не подвергая их тщательной разработке, зачастую довольствуется одним лишь упоминанием тех или других из них.

Сравнительно более полный очерк истории Крымского ханства принадлежит Говордзу, который с полной добросовестностью исчерпал все, что только было ему доступного в европейских и восточных источниках. Но почтенный труд его есть наглядное доказательство того, как опасно пускаться в исследование такой исторической области, для надлежащего уразумения которой требуются специальные познания, например, в данном случае знание восточных языков. Не будучи ориенталистом, г. Говордз нередко искажает и перемешивает собственные имена и впадает в другие странности. Так, например, известный персидский историк *Гаффари* у него стал Gassari; турецкого историка *Мюнедджим-баши* он называет «the author of the Munejimbashi» (Op. cit., 448); вместо *Масъуд-Герая* у него является «Maksud Girai» (Op. cit., 588); верховный везирь Али-паша *Молдаванджи* превращен им в «Moldowanji, the residence (sic!) of the grand vizier» (Op. cit., 594). Наконец, увлекшись, должно быть, заглавием истории Крымских ханов *Гюльбуни-ханан*, что значит «Розовый куст ханов», он называет сочинителя этой истории Халим-Герая «the author of the poetical (sic!) history of the Krim Khans» (Ibidem), хотя там поэтического не больше, чем в сочинении самого г. Говордза.

Таким образом, некоторые турецкие источники для истории Крымского ханства оказываются не настолько исчерпанными, чтобы новый пересмотр их был бесплодным повторением; другие же остались нетронутыми или обнаружались позднее, не бывши прежде вовсе известны ученому миру.

В числе источников первой категории должно быть названо сочинение крымского историка Сейид-Мухаммед-Ризы, известное под заглавием *Ас-себъу-с-сейяр фи ахбари мулюки татар* – «Семь планет в известиях о царях татарских», напечатанное еще в 1832 году покойным профессором Казем-Бекем в Казани.

О личности автора этого сочинения известно, что он был накыбу-ль-эшраф, т. е. глава потомков Пророка, следовательно, принадлежал к важным персонам турецкого общества столицы Османской империи. Историк Васыф-эфенди почтил его память некрологом, отметив, что этот знатный по происхождению и добродетельным качествам муж скончался в месяце зи-ль-хыджэ 1169 – в сентябре 1756 года, и что он, из приверженности к дому Чингизскому, перевел «Тарихи-Газан», в которой он изящным слогом изобразил судьбы Крымских ханов⁴. Есть упоминание о Ризе у позднейшего турецкого библиографа Ахмеда Ханиф-задэ (умершего после 1180 = 1766 года), сочинение которого называется *Асари-нэу*⁵ — и целиком напечатано Флюгелем в виде прибавления к библиографическому словарю Хаджи-Кальфы. У Ахмеда Ханиф-задэ значится два нравоучительных трактата Ризы: один под заглавием «Горние вертограды верующего»⁶, а другой – «Лучеизлияние благодати»⁷. Затем сообщается, что мевляна Ассейид-Мухаммед-Риза-эфенди Эль-Кырыми сочинил «Историю дома Чингизов»

⁴ Тарихи-Васыф. Констант. изд. 1219=1804 г., I: 83; Hammer. Gesch. d. Osm. R., VIII: 196. Под «Тарихи-Газан» обыкновенно разумеют первую часть «Джамитъ-т-тэварих» Рашид-эд-Дина (Flügel, Handschriften, II: 179), содержащую в себе историю монголов. Странно только, что турецкий историк приложил титул «Истории Газана» ко всему сочинению Мухаммед-Ризы, которое есть самостоятельный его труд, а не перевод, и не дал настоящего заглавия его труду.

⁵ Hammer, G. d. O. R., VIII: 232; Flügel, Handschriften, I: 50, № 36.

⁶ H. Khalfae, Lexicon VI: 585. № 14755.

⁷ H. Khalfae, Lexicon, VI: 621, № 14908.

в 1150 = 1737 г.⁸; а в другой библиографической заметке сказано уже, что молла Шериф Мухаммед-Риза, предстоятель потомков Пророка в Османской Державе, умерший в 1166 = 1756 году, составил турецкий сборник *Ассебъу-с-сейяр*, содержащий повествования о татарах Крымского ханства⁹. Сам Риза в предисловии к своей истории говорит, что он довел ее до времен Менгли-Герая-хана II, который вторично возведен был на ханство в 1150 = 1737 году. Так значится и в печатном издании «Семи планет»¹⁰, и в рукописном кодексе Учебного Отд. М-ва И. Д., № 369, написанного в 1206 = 1791 году¹¹. В кодексе же Азиатского Музея Ак. Наук, № 590 ис, имеющем датой конец шаъбана 1193 = октябрь 1779 года и близком по тексту к предыдущему, даже с одинаковыми пропусками, есть любопытное прибавление в предисловии. В нем Мухаммед-Риза заявляет, что, предприняв сочинение истории, он сперва замедлил было его окончанием; но случай вторичного назначения Эльхадж Мустафы-эфенди на должность реису-ль-кютаба заставил его довершить свой труд, чтобы посвятить и преподнести его этому просвещеннейшему государственному человеку в такую радостную и знаменательную в его жизни эпоху¹². Это обстоятельство довольно немаловажно и при определении времени появления сочинения и для характеристики самого автора. Упомянутый реису-ль-кютаб Эльхадж Мустафа-эфенди по прозванию Тавукчу вторично получил должность в 1150 = 1737 году¹³.

Профессор Казем-Бек говорит: «Судя по чистоте, правильности и красноречию в слоге, Риза был турок, или по крайней мере воспитывался в Турции. В этом убеждает и образ его мыслей, и беспристрастие, с которым описывал он происшествия»¹⁴. Но близкое знакомство Ризы с фактами татарско-крымской истории и оценка этих фактов скорее заставляют думать, что он и по рождению и по воспитанию был коренной крымец; а его происхождение, ученость и связи могли открыть ему путь к высокому положению в Османской империи, подобно тому как бывали и другие примеры приглашения ученых из Крыма в Турцию для занятия там важных служебных постов. Пребывание же его в Стамбуле среди тамошнего ученого общества окончательно развило в нем литературный вкус современных ему турок. Оттого-то его история и отличается всеми стилистическими прелестями турецкого слога, но зато необыкновенная длиннота и вычурная хитросплетенность огромных периодов, сплошь переполненных метафорами, требуют большого внимания и иногда невероятных усилий для того, чтобы добираться до заключающегося в них смысла. Примеры на каждой странице от начала до конца сочинения. Литературные указания и заметки, во множестве рассеянные в сочинении Мухаммед-Ризы¹⁵, свидетельствуют о широком его знакомстве с восточными, преимущественно турецкими, писателями, а часто встречающиеся отзывы о достоверности или сомнительности тех или других известий и о достоинстве самых сочинений доказывают его критическую разборчивость.

Из прежних историков, сочинениями которых пользовался Риза, у него упоминаются турецкие бытописатели Нишанджи-паша¹⁶ и Назима-Челеби¹⁷, персидские – Мирхонд¹⁸, Вассаф¹⁹ и Севендер²⁰; из арабских писателей есть ссылка на автора географического сочинения

⁸ Н. Khalfae, Lexicon, VI: 537, № 14535.

⁹ Н. Khalfae, Lexicon, III: 576, № 7013.

¹⁰ Стр. 3.

¹¹ Л. 2 verso.

¹² Рукопись, л. 3 г., строка 5 сверху до л. 3 в., стр. 14 сверху.

¹³ Тарихи-Субхи. 212; Hammer, G. d. O. R, VIII: 52.

¹⁴ Семь планет, III.

¹⁵ Например, на страницах 86, 92, 110, 111–113, 134, 150, 152, 154, 156, 168, 204, 205, 208, 217, 221, 230, 260, 288, 289, 331, 334, 335, 339 и 344.

¹⁶ Семь планет, 82 и 85.

¹⁷ Семь планет, 161.

¹⁸ Семь планет, 28.

¹⁹ Семь планет, 38.

«Табели стран»²¹, т. е. Абульфеду. Из произведений отечественной литературы у него есть упоминание об истории Крыма некоего Хэйри-задэ, под заглавием «Табель»²² о «Сборнике» – Абду-ль-Вели-эфенди, с критическим отзывом о нем²³, и о «Сборнике происшествий» – Масьуда-эфенди, советника царевича Шегбаз-Герая²⁴, убитого черкесами в 1111 = 1699–1700 году²⁵. Сообщает Риза также некоторые интересные биографические сведения об ученом астрологе, друге и собеседнике хана Сахыб-Герая I, Кайсуни-задэ Недаи-эфенди, который за свое астрологическое искусство стал известен среди татар под прозвищем «Реммал-ходжа»²⁶, но написанная им история черкесских походов и трагической кончины его патрона Сахыб-Герая-хана, по-видимому, была неизвестна автору «Семи планет», потому что он ничего не говорит о ней, упоминая лишь вообще, что «мевляна, сидя в заключении, написал разные сочинения»²⁷.

Воздавая похвалу литературным качествам истории Сейид-Мухаммед-Ризы, профессор Казем-Бек не особенно высоко ценит ее внутренние достоинства по содержанию. Вскоре после издания текста он напечатал «Извлечение из истории Семи планет», а именно рассказ о вторичном царствовании Мухаммед-Герая II в 1654–1660 годах. Вот что г. Казем-Бек говорит тут в своей заметке: «Сейд-Мухаммед-Риза не входит в подробное описание (сих) походов Мухаммед-Гирей-хана. Он совершенно умалчивает как о военных подвигах его против соседственных Держав Христианских, так и о храбрых его предприятиях, соделавших часть Европы, на долгое время, театром кровопролития и ужасов. Он довольствуется здесь, как и во многих других местах, одним только намеком, и тем подробнее описывает некоторые маловажные происшествия, случившиеся в Крыму. Я, с своей стороны, считаю приличнее, упомянувши вкратце о сих последних, изложить здесь подробнее, в хронологическом порядке, те любопытные факты, которые изображают военные действия сего Хана против России и Польши, отысканные мною в других Авторах: они послужат объяснением краткого намека, сделанного нашим Автором»²⁸. Из этого видно, как в разное время видоизменяются воззрения ученых на предметы научных исследований. В глазах г. Казем-Бека имеют цену в изданном им историческом памятнике лишь сведения, касающиеся *военных подвигов и храбрых предприятий* Крымских ханов, и он ставит Мухаммед-Ризе почти в упрек, что он «подробнее описывает некоторые *маловажные происшествия*, случившиеся в самом Крыму». По теперешним же понятиям эти-то *маловажные происшествия* и представляют наибольший интерес «Семи планет», потому что, как *случившиеся в самом Крыму*, они дают материал для изображения внутренней жизни Крымского ханства. Вообще можно сказать, что это сочинение по богатству и разнообразию своего содержания превосходит все, что только у нас было под руками по части турецких источников для истории Крымского ханства; это, можно сказать, есть энциклопедический сборник по части крымско-татарской старины, и потому автор совершенно верно называет свое произведение *сборником*²⁹.

²⁰ Семь планет, 132.

²¹ Семь планет, 76.

²² Семь планет, 148 и 159.

²³ Семь планет, 198 и 203.

²⁴ Семь планет, 225.

²⁵ Семь планет., 264.

²⁶ Семь планет., 92, 93 и 97.

²⁷ Семь планет., 93. – В Библиотеке СПб. Университета имеется рукописный экземпляр истории Реммал-ходжи (№ 488 по каталогу восточных рукописей), без даты; но внешность рукописи позволяет думать, что она, пожалуй, древнее XVII в.

²⁸ Журн. М. Н. П. за 1835 год, ч. VI, стр. 349.

²⁹ Семь планет, 69.

Отзыв о сочинении Мухаммед-Ризы, данный г. Хартахаем в статье «Историческая судьба крымских татар»,³⁰ в значительной степени обнаруживает влияние на него мнения г. Казем-Бека; а встречающиеся в нем неточности заставляют предполагать, что этот отзыв составлен не на основании близкого ознакомления с самым сочинением. Достаточно того, что словам г. Хартахая, будто бы повествование Ризы основано «не на преданиях и рассказах, а на письменных источниках», противоречит заявление самого Ризы, что он пользовался и устными преданиями»³¹. Г. Хартахай задает вопрос, почему Мухаммед-Риза «начал с Менгли-Гирея, не включив в свое повествование и отца его Хаджи-Девлет-Гирея», а между тем такого пропуска на деле и не существует: целая статья посвящена Ризой родоначальнику династии Гераев³². Впрочем, статья г. Хартахая заключает в себе много любопытных фактов; жаль только, что в ней иногда недостает точных указаний источников, из которых эти факты почерпнуты.

Важное подспорье к «Семи планетам» составляет рукописная «История Крымского ханства» на турецком языке, которая предоставлена была в мое пользование многообязательным Исмаиль-мурзою Гаспринским, редактором газеты «Переводчик», издаваемой им в Бакчэ-Сарае. Рукопись эта написана на толстой серой бумаге разными почерками – нэсхи, таълигк и сюлюси попеременно, по 23 строки на странице. Ни имени автора, ни переписчика, ни ясной даты нет; но, судя по внешнему виду, она может быть отнесена к концу прошлого столетия, тем более что на последнем, совсем чистом листе, из 126 листов in-4°, находится посторонняя приписка, заключающая в себе начальные слова заемного письма какого-то Осман-аги с обозначением времени займа – 15 шаъбана 1209 = 7 марта 1795 года. Сличение текста этой рукописи с русским переводом нескольких статей из другой турецкой рукописи, сделанным г. Негри и помещенным в первом томе Записок Одесского Общества Истории и Древностей, стр. 379–399, приводит к заключению о совершенном тождестве содержания нашего кодекса с текстом, бывшим в руках г. Негри. Перевод сделан замечательно хорошо: г. Негри умел сохранить близость перевода к тексту при чистоте и правильности русской речи, с придатком оттенков стиля турецкого. Жаль только, что г. Негри ограничился несколькими отрывками, а не перевел всего текста сполна. Говорим это потому, что в основании своего кодекса есть сокращенное изложение «Семи планет» Мухаммед-Ризы, на сочинение которого неизвестный автор делает неоднократные ссылки (например на листе 25 verso, 69 recto, 72 v., 98 r. и 101 r.); но предпочтительность этого кодекса заключается в том, что пространные, переполненные нескончаемыми метафорами периоды «Семи планет», сплошь и рядом непередаваемые на русский язык, в этом кодексе заменены краткими и ясными по смыслу фразами, весьма легко передаваемыми по-русски. Отношение размера фраз в этой краткой истории к объему текста «Семи планет» всего виднее на отрывках параллельных по содержанию мест из обоих сочинений. Простому предложению в шесть слов, находящемуся в краткой истории³³, соответствует в «Семи планетах» такой пространный период (см. текст оригинала)³⁴. Независимо от этого, в кодексе краткой истории встречаются факты или подробности, которых не находим в «Семи планетах», и это придает ему значение самостоятельного источника: заметно, что автор, делая извлечение из «Семи планет», пользовался в некоторых случаях и другими памятниками, которыми дополнял свое повествование. В цитатах мы будем называть эту рукопись «*Краткой Историей*», или сокращено: *Кр. Ист.*

Для одной из наиболее выдающихся эпох истории Крымского ханства – конца XVII и начала XVIII в. имеются два замечательных турецких источника, также пока в рукописях.

³⁰ Вестник Европы за 1867 г., т. II, стр. 159.

³¹ Семь планет, 187.

³² Семь планет, 69–73.

³³ Лист 29 verso, строка 23.

³⁴ Стр. 80, строки 8–10.

1) Сочинение Мухаммед-Герая, который в своей книге называет себя полным именем – *Дервиш Мухаммед-Герай-бен-Мубарек-Герай Чингизи*³⁵ и был племянник Сеъадет-Герай-хана³⁶. Рукопись эта, принадлежащая Венской библиотеке (Н.О. № 86), не имеет особого заглавия, ибо находящиеся в начале ее слова, очевидно, приписаны кем-нибудь другим, содержа в себе похвальный отзыв о ней. Внешний вид кодекса и особенность правописания заставляют предполагать, что если это не автограф сочинителя, то во всяком случае современный ему экземпляр. Кроме фактов чисто внешнего свойства, случившихся за 1683–1703 годы, в нем заключается много частных, характерных для внутреннего быта Крымского ханства и взаимных отношений членов рода Гераев. Другого экземпляра, кроме венского, нам не приходилось встречать ни в одном каталоге европейских и константинопольских книгохранилищ.

В небольшой истории крымских ханов, носящей заглавие «Розовый куст ханов», автор ее Халим-Герай не упоминает сочинения своего родственника-предка в числе источников, которыми он пользовался. Можно было бы предполагать указание на него в выражении³⁷, ибо и сам Мухаммед-Герай в одном месте титулуется себя дервишем³⁸; но дело в том, что Халим-Герай, повествуя о некоторых фактах времени царствования Мухаммед-Герай-хана IV (1654–1666), опять ссылается на того же шейха Мухаммеда-эфенди³⁹, между тем как история Мухаммед-Герая начинается лишь 1094 = 1683 годом. Любопытен взгляд этого последнего на значение истории. «Да будет ведомо, – говорит он, – что в глазах умных и справедливых людей считается заслуживающим порицания, если при изложении известных из писаний и заметок прежних историков – да довлеет всеми ими Бог! – фактов ступают на путь лести. А особливо, как можно утаивать и скрывать события, случившиеся в наш век, и обстоятельства лиц, считающихся важными?!»⁴⁰

2) Еще обширнее по объему и богаче по содержанию история некоего турка, известного под одним прозванием Фундуклулу. О личности автора этой превосходной, величиной в четыре фолианта, истории мы знаем только то немногое, что он сообщает сам о себе в своем сочинении: никаких других сведений о нем нигде доселе не встречается. Поэтому не лишне будет привести здесь автобиографические данные Фундуклулу, чтобы оценить значение его истории. Мы видим из этих данных, что он довольно долго состоял на службе при султанском дворе, был в близких отношениях со многими высокопоставленными в государстве лицами до султана включительно, имел шансы занять одну из высших должностей государственных в конце своей карьеры, но предпочел провести остаток дней своих в качестве частного человека. Благодаря такому своему служебному положению, Фундуклулу имел возможность быть очевидцем и даже участником многих важных событий, знать и слышать многое, что было недоступно людям, стоявшим вне круга людей,правлявших судьбами Османской империи. Так, под 1102 = 1690–1691 годом⁴¹ он рассказывает, как очевидец, скандальное происшествие, знаменитое с интимными сторонами жизни султанского гарема, который, оказывается, вовсе не был таким недоступным святилищем, как это обыкновенно думают⁴². Во время описываемого скандала он пил кофе во внутренних дворцовых покоях и беседовал с Черкес-Осман-пашой. Под 1103 = 1691–1692 годом он довольно подробно передает приключения Зу-ль-Факара, воз-

³⁵ Лист 44 г.

³⁶ Л. 33 v.

³⁷ Гюльбун-ханан. Константиноп. изд. 1287=1870 г. Стр. 5.

³⁸ Op. cit., 44 г.

³⁹ Op. cit., 60.

⁴⁰ Op. cit., 100 v.

⁴¹ Переложение чисел мусульманского летосчисления на христианское сделано у нас везде по известным «Vergleichungstabelle» Вюстенфельда.

⁴² Фундуклулу тарихи, т III, л. 41 г. & v.

вратившегося тогда из посольства в Австрию⁴³, и в заключение говорит: «Я, презренный описатель событий, тоже привел было новые разговоры, слышанные от Зу-ль-Факара-эфенди, и уже написал вчерне год за год, чтобы все их внести в историю, но вышло очень растянуто, на целую книгу в десять тетрадей, а потому я выбрал только самую суть его речей да несколько бед и несчастий, которым он подвергся, и написал их в этом месте»⁴⁴. Описание военных походов у Фундуклулу имеет вид дневников, веденных им на месте, так как он в них упоминает о себе, находившись в султанской свите. Так, в Австрийскую войну в 1107 = 1695–1696 году он сопровождал султана во время осмотра им взятой турками крепости Шебеша⁴⁵. Под 1108 = 1696–1697 годом он, при описании одного сражения, прямо уже говорит, что он в это время находился в числе трех тысяч конвоя, окружавшего особу султана вместе «с братьями своими, служителями внутреннего дворца, и с товарищами своими ич-огланами»⁴⁶. В рамазане 1110 = в марте 1699 г. он «удостоился степени дюльбенд-гуляма», т. е. помощника главного хранителя султанского головного убора⁴⁷, а в месяце зу-ль-каъде того же года = в мае 1699, при переезде султана на дачу в Ак-Бунарский сад, он по обычаю поселился в лагере в открытом поле с прочей внутренней свитой, при султанской палатке⁴⁸. Сообщая цифру стоимости постройки моста через р. Тунджу у Адрианополя в 1113 = 1701 году, говорит, что он слышал ее от самого дефтердаря-эфенди⁴⁹. В 1115 = 1703–1704 году Фундуклулу был уже в сане дюльбенд-агасы: описывая бурную сцену между сыном шейху-ль-ислама и Хасан-пашой, происшедшую в общем заседании дивана в присутствии султана, Фундуклулу говорит: «Я сам это видел своими глазами: я был дюльбенд-агасы; стоял насупротив его величества и держал на своих руках почетные шубы, которые должны были быть надеты»⁵⁰. Когда начались смятения янычар, Фундуклулу успокаивал растерявшегося и утратившего надежду усидеть на троне султана, говоря: «Зачем вы так отчаиваетесь? Мятежи – дело обыкновенное: ваши предки также сколько претерпели неприятностей от мерзавцев-бунтовщиков!»⁵¹ Во время волнения бустанджиев, послужившего только прелюдией последовавшего затем общего мятежа янычар, Фундуклулу первый уведомил султана о случившемся беспорядке⁵², и султан четыре раза посылал его парламентаром к бушевавшей толпе⁵³. При восшествии на престол султана Ахмеда III (1703–1730) вместо своего сверженного брата Фундуклулу в числе первых придворных лиц принес присягу новому султану и подробно описывает всю церемонию восшествия на престол, справляемую при дворе Османском⁵⁴. Насколько Фундуклулу был близок к султану, это видно из того, что честолюбивый янычарский ага Чалык Ахмед-паша, добивавшийся должности верховного везира, приставал в нему с просьбой доставить ему везирскую печать; но «я, говорит Фундуклулу, сказал ему: “я, ведь, сам только оглан среднего класса; мне не стать входить в такое важное дело; сделай милость, не делай мне этой обузы, а ступай лучше к падшаху и сам проси у него”». Ага же говорит: «Его величество уже обещал». – «Ну так, говорю, слава Богу: у царей обмана не бывает»⁵⁵. Когда же неутомимый ага стал мутить своих янычар,

⁴³ Фундуклулу тарихи, т III, лл. 80 v. – 88 v.

⁴⁴ Фундуклулу тарихи, т III, л. 88 v.

⁴⁵ Фундуклулу тарихи, т III, л. 218 г.

⁴⁶ Фундуклулу тарихи, т III, л. 262 г.

⁴⁷ Фундуклулу тарихи Т. IV, л. 75 г.

⁴⁸ Фундуклулу тарихи Т. IV., л. 76 v.

⁴⁹ Фундуклулу тарихи Т. IV, л. 127 г.

⁵⁰ Фундуклулу тарихи Т. IV., л. 166 г. – 166 v.

⁵¹ Фундуклулу тарихи Т. IV., л. 200 v.

⁵² Фундуклулу тарихи Т. IV., л. 210 г.

⁵³ Фундуклулу тарихи Т. IV., л. 210 v. и 219.

⁵⁴ Фундуклулу тарихи Т. IV., л. 201 v.

⁵⁵ Фундуклулу тарихи, л. 213 г. & v.

так что пришлось его спровадить в ссылку, Фундуклулу было поручено распорядиться сделать надлежащие приготовления для приведения в исполнение султанского хатти-гумаюна о ссылке опасного генерала⁵⁶. По смерти султана Мустафы II, Фундуклулу, состоя тогда в должности силихдаря, совершил омовение и одевание в саван султанского трупа⁵⁷. В реджебе того же года = в ноябре 1703 г. Фундуклулу вручил шейху-ль-исламу Мухаммеду-эфенди хатти-шериф об отставке и затем самолично отвел его и передал бустанджи-баши (шефу жандармов) для отправки отставного муфти в Брусу⁵⁸. Тогда же пришла очередь Фундуклулу получить везирское звание с назначением ему какого-нибудь губернаторства. «Но я, – говорит он, – убоюсь тепла и холода времени, расстроенного состояния провинций и ответственности за рабов божиих, и уклонился, а предпочел отставку, и мне было пожаловано в пенсию 300 акчэ дневного содержания да несколько рационов». Вслед за этим он описывает свою прощальную аудиенцию у султана и полученные от него напоследок подарки. Затем очень трогательно рассказывает, как он сделал четыре земных поклона пред часовой священной одежды Пророка, был в гостях у великого везира и потом поселился в купленном им доме, который выходил фасадом на море, близ Демир-капы в квартале Эльван-Задэ⁵⁹. Удалившись от дворца, Фундуклулу и на покое не переставал следить за совершавшимися событиями и не прерывал связей: так, например, еще в 1127 = 1715 году он был в близких отношениях с великим везирем Али-пашой. Изображая его самонадеянным тщеславцем, он замечает: «Я только один и смел говорить ему правдивое слово»⁶⁰. В последний раз Фундуклулу упоминает о себе под 1133 = 1720–1721 годом в статье об отставке и ссылке бустанджи-баши Сиваси Мухаммед-паши, человека негодного, но пользовавшегося большим влиянием при дворе, которое он употреблял для предоставления должностных, преимущественно все губернаторских, мест своим братьям и другим родственникам. Одного из таких, «Сейид-Оглу-Ахмеда он сделал Амасийским пашой, – говорит Фундуклулу, – вызвав его в Стамбул, поселил в своем доме, примыкавшем к моему бедному жилищу, и, переговорив с его величеством падишахом, сделал его зятем великого везира»⁶¹.

В четырех фолиантах сочинения Фундуклулу, в 300 с лишком листов каждый, заключается богатый материал как для истории Оттоманской империи вообще, так и для истории Крымского ханства в частности за время 1065–1133 = 1655–1720 годов. Гаммер, поставив сочинение Фундуклулу в список источников своей «*Gesch. d. Osm. Reiches*», однако же и не тронул его, не сделав, против своего обыкновения, даже и наобум ни одной из него цитаты, а удовольствовался ссылками на продолжателя Фундуклулу, историка Рашида-эфенди. Но то, что у первого рассказано подробно и обстоятельно, у второго является лишь в виде кратких извлечений и заметок. Сочинение Фундуклулу оттого осталось нетронутым всеобъемлющим историком, что, составляя необыкновенную библиографическую редкость, оно еще не было в руках Гаммера, когда он писал свою Оттоманскую историю; но что он не заглянул в этот прекрасный источник, когда сочинял историю Крымских ханов, – это удивительно. Из предыдущих исторических писателей Фундуклулу пользовался только небольшим историческим трудом Веджиги-эфенди, приведя из него целый отрывок об одной битве крымцев с русскими⁶² и сделав еще несколько небольших выдержек из него. Фундуклулу-Тарихи имеется в Венской библиотеке в позднейшем списке, сделанном в Константинополе по заказу Гаммера, и значится там под № Mxt. 343 a-d; а сочинение Веджиги, родом крымца, в старом списке, там же под № 83 Н.О.

⁵⁶ Фундуклулу тарихи., л. 214 г. – 215 г.

⁵⁷ Фундуклулу тарихи., л. 219 г.

⁵⁸ Фундуклулу тарихи., л. 220 г. & v.

⁵⁹ Фундуклулу тарихи., л. 221 г. & v.

⁶⁰ Фундуклулу тарихи., л. 318 г. – 319 г.

⁶¹ Фундуклулу тарихи., 371 v. – 372 г.

⁶² Фундуклулу, I. лл. 79 v. – 96 г.

Оба эти источника, равно как и рукописные кодексы неизданных сочинений Васыфа-эфенди и Энвери-эфенди, по ходатайству директора Императорской Публичной Библиотеки А. Ф. Бычкова были высылаемы в Петербург для моего пользования, за что я считаю здесь уместным засвидетельствовать свою глубокую признательность почтеннейшему Афанасию Федоровичу, благодаря участию и содействию которого я получил в свое распоряжение и некоторые другие рукописные материалы, также доселе еще не бывшие ни у кого в пользовании.

Из этих последних заслуживают упоминания: 1) небольшое собрание ханских ярлыков и иных документов на турецком языке, доставшихся Императорской Публичной Библиотеке вместе с еврейской коллекцией Фирковича. 2) Несколько подобных же документов, принадлежавших покойному академику и автору «Крымского сборника» Кеппену, которые ныне также составляют собственность Императорской Публичной Библиотеки и описаны мною в отчете библиотеки за 1881 год. 3) Коллекция копий-факсимиле с ханских ярлыков и других документов на турецком языке и в русском переводе, принадлежавших покойному В. В. Григорьеву, купленная у вдовы его Факультетом Восточных Языков для университетской библиотеки. 4) Рукописные копии с некоторых переводов ханских ярлыков и султанских ферманов, хранящихся в архиве Таврического дворянства, любезно предоставленные в наше распоряжение учителем Симферопольской гимназии Ф. Ф. Лашковым, а также отдельные документы на татарском языке, принадлежащие музею Одесского Общества Истории и Древностей и некоторым частным лицам. Особенно заслуживает внимания один кодекс библиотеки Учебного Отделения при Министерстве Иностранных дел, № 357, содержащий в себе сочинение турецкого историка Хусейна Гезар-Фенна (ум. 1103 = 1691 г.) под заглавием «Изъяснительный доклад об уставах династии Османской». Рукопись, 32 × 11 сантиметров размером, написана прекраснейшим почерком нэсхи по 36 строчек на странице на гладкой желтоватого цвета бумаге, без обозначения имени переписчика и времени написания, но подходит к типу рукописей, современных автору. В предисловии Гезар-Фенн говорит, что когда он в 1083 = 1672–1673 году преподнес тогдашнему реису Иззету-эфенди свою всеобщую историю, известную под именем «Исследование историй царей», то государственный человек рекомендовал ему написать такое же добросовестное сочинение, в котором бы изложены были законы и уставы правительства Оттоманского по разным отраслям государственного устройства: «это был бы, – он прибавил, – у всех и каждого почтенный и драгоценный труд». Последовав его предложению, Гезар-Фенн выбрал все, что только нашел в прежних канун намэ, в историях, в старых и новых дефтерях и в канцеляриях султанского дивана, касательно разных отраслей государственного управления – финансового, военного и т. д., и все это собрал вместе в сокращенном виде под вышеприведенным заглавием. Труд Гезар-Фенна начинается кратким изображением царствования Османских владык до современного автору султана Мухаммеда IV, а кончается историей появления в Турции табака, завезенного туда впервые англичанами в 1007 = 1598–1599 гг., так что намеченная вначале программа сочинения в действительности значительно расширена автором. Из 13-ти глав, на которые разделено сочинение, глава девятая посвящена «Уставам ханов Крымских», заключая в сжатом виде изображение системы внутреннего устройства Крымского ханства. Кодекс этот, в 135 листов, едва ли пока не единственный в своем роде: по крайней мере до сих пор ни в одном описании рукописных коллекций не встречалось даже намека на существование подобного сочинения Гезар-Фенна.

Не касаясь других второстепенных рукописных источников и не перечисляя пособий печатных, как на турецком, так и на русском языках, общедоступность которых делает их вместе с тем уже и обязательными для занимающихся историей Крымского ханства, скажем несколько слов только о «Материалах для истории Крымского ханства, извлеченных из Московского Главного Архива Министерства Иностранных дел и изданных В. В. Вельяминовым-Зерновым». СПб., 1864. Документы, заключающиеся в этом почтенном по объему издании, любопытны не по одним фактическим данным, которые в них находятся, но и

как памятники официального туземного языка Крымского ханства. Неоспоримая важность и полезность этого издания заставляет нас обратить внимание на следующие два обстоятельства. Переписывание подлинных документов было возложено на бывшего лектора татарского языка муллу Фейз-Ханова. При всех своих знаниях и опытности этот ученый татарин, копируя старинные рукописи, делал промахи, и даже довольно крупные, как это замечено и указано мною прежде по поводу изданного мною «Сборника некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма». СПб., 1881 (стр. XIV). Такого рода обстоятельство невольно возбуждает сомнение: точно ли исправно списаны Фейз-Хановым и турецкие документы Архива Министерства Иностранных Дел, изданные г. В. В. Вельяминовым-Зерновым, тем более что из «Предупреждения» к изданию не видно, чтобы почтенный академик сам или кто-либо другой компетентный человек сверял с подлинниками копии, снятые Фейз-Хановым. Во-вторых, в том же «Предупреждении» (стр. VI) самым убедительным образом доказана важность издания и русских переводов, современных татарским подлинникам. Из академических бюллетеней видно, что и эти переводы в свое время тоже скопированы для издания их в свет; но до сих пор о них нет ни слуха, ни духа, и не известно, какая постигла их участь. А между тем необходимость сличения некоторых мест в подлинниках с соответственными им современными переводами заставляет сожалеть, что эти последние остаются под спудом, благодаря тому, что, вследствие опустения восточного отделения академии, там некому стало заниматься такими издательскими работами.

К этой же категории источников относится только что оконченное издание первого тома «Памятников дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской Ордами и с Турцией», сделанное Императорским Русским Историческим Обществом под редакцией Г. Ф. Карпова. В числе этих дел есть немало переводов с грамот турецких султанов, Крымских ханов и других знатных лиц Крымского юрта, бывших в сношении с великими князьями Московскими. Если мы выразили сожаление о том, что с турецкими подлинниками, напечатанными г. Вельяминовым-Зерновым, не изданы и современные им русские переводы, то еще более приходится жалеть, что для русских переводов, имеющихся в трактуемом издании, не сохранилось соответствующих им турецких текстов. Еще турецкие тексты «Материалов для истории Крымского ханства» не трудно понимать, и параллельные переводы разве, может быть,годились бы для уяснения значения некоторых отдельных слов; между тем в переводных документах, изданных Историческим Обществом, часто попадаются до того темные по смыслу места, что разъяснение их без сличения с подлинным турецким текстом представляется решительно невозможным. Эта темнота происходит оттого, что переводчики обыкновенно придерживались буквального значения слов и выражений турецко-татарских. Отсюда в переводах удержалось много слов татарского происхождения, превращенных в русские, как, например, *толмачити* (Op. cit., стр. 131), *прикошевати* (Ib., 110), *корешоватися* (Ib., 222), *валчити* (Ib., 433) и т. п. Сплошь и рядом переводчики щеголяют татарскими словами, вводя их в русскую речь без всякой очевидной надобности и затемняя ее смысл этими варваризмами. Таковы, например: «*майтамал* идет» (Ibid., 51) = «возможно»; *миньят* (Ib., 174), *миньяд* (219), *миньятные слова* (269) – «милость, одолжение», и т. п. Мы уже оставляем в стороне наименования предметов татарского быта, каковы, например, седло *ометюк тимов* (129), *калья* краски (118), однорядка *ноугоньская* и однорядки *трекуньские* (129), пять *аргичей* (250), сукно *лунское* (537), из коих некоторые трудно растолковать, не имея под руками текста. Но всего больше русские переводы пестрят буквальной передачей турецко-татарских слов и выражений. Приведем некоторые. Выражение «Ударив челом и поклон» (83), давно, впрочем, бывшее в ходу в русских памятниках еще со времени татарского нашествия, есть перевод татарской фразы. Выражение «не на дружбу *лицем* ударил» (264) также переделано из тур. – татарского. Фразы «что *от моих рук* сколько придет» (178) «сколько *от наших рук* пришло» (275) – есть тюркизм, означающий по-русски: «сколько мне, или нам, возможно», «сколько я, или мы, в состоянии».

Выражения вроде «дома наши *потоптали*» (108), или: «на недруга *в загон* ходили» (106), «на *коне* есмя были» (151), «сам на *конь* *всел*» (157), или «*душа моя*» (109) тоже скорее характерны для турецкой, нежели для русской речи: первое есть весьма употребительный глагол «давить, топтать, разбивать, разорять, ограблять»; второе есть тоже ходячее татарское выражение. Встречаются фразы такого состава, что едва ли сами переводчики отдавали себе отчет в точном значении их, как например: «Предние наши *о кости о лодыжном мозгу* юрта *деля* своего разобрались» (69); «в чужом юрте *стоишь*, а *конь твой потен*» (100); «слово доброе меж вас о том было и *конь повели*» (91); «дела твоего *беречи и до живота*» (136).

Но тут везде еще есть смысл, которого можно добиться по ходу речи, и во всяком случае соблюдены формальные требования русского языка. А то есть такие обороты, которые представляют собой грубые татаризмы, не только несообразные с духом русской речи, но даже и совсем лишние, не заключая в себе ничего оригинального или важного. Например, есть такие фразы: «у нас *просят стоит*», или «запрос мой *то стоит*» (168); «недружбу *до места довести* мыслит», «поезду нашему *толк то*», «Се дела тебя *деля брата своего делая хожу*» (172). В первых двух фразах излишнее слово *стоит* есть буквальный перевод татарского глагола, который в татарском языке присоединяется к другим глаголам в качестве вспомогательного; поэтому вместо «просят стоит» надо было сказать *просят*, вместо то стоит – *то* и т. п. Слово «толк» есть также буквальный перевод араб. – татарск. «смысл, значение, резон». Бессмысленное сочетание *делая хожу*, вероятно, произошло от буквальной передачи татарского глагола, где второй глагол «ходить» не имеет самостоятельного значения, а только в качестве вспомогательного придает лишь оттенок длительности глаголу «делать». Фраза «до места довести» есть тюркизм, означающий по-русски: «исполнить, осуществить, довершить».

Но в погоне за точностью передачи текста переводчики иногда доводили русскую речь до явной бессмыслицы, никакими средствами не распутываемой. Образец такой бестолковой речи представляет перевод ярлыка Менгли-Герая от 1493 года, где встречаются, например, такие места: «А Мамитекова царевича одна сухая голова избыла, столько у него поймали нынеча, как в сем писано, что ни было, без остатка» (Ор. cit., стр. 176). Или в переводе Ямгурчеевой грамоты читаем: «Иные, которые далече стоя, на недруга пристоят; а мы пак жену в город вшедши слава Богу у недруга как на шее вшед стоим, твоему тому делу много пристоим» (Ibid., стр. 178).

Особливо много странностей встречается в переводах грамот турецких. Так, в самом начале текста этих грамот видим такие не связанные между собой слова: «Бог, Великоименитой Хумаюн птица, Баезид султан Махаммедевич» (Ор. cit., стр. 244). Словом «Бог» тут передан всегда ставящийся у мусульман значок = «Он». Следующие же слова, надо полагать, соответствуют содержанию султанской тугры, причем выражение «Хумаюн птица» попало сюда по недоразумению: слово «птица» везде является в виде приписки сверху над словом «Хумаюн», для объяснения смысла этого последнего, которое в качестве эпитета значит просто: «августейший». Кроме того, «птица» тут могла быть примешана вследствие птицеподобной фигуры султанского шифра, который мог казаться нашим приказным грамотеям чем-нибудь вроде нашего государственного орла.

Начало другой грамоты совсем уже не понятно, как и следующие за вступлением слова грамоты. Выражения: «Тот собиратель. Силы добывальные. Оба» (Ор. cit., стр. 283) решительно необъяснимы без подлинного текста.

Выражение в конце той же грамоты «Холоп мой по пошине как пригож доведет... и приехав здоровье и счастье твое и державу с вестью *мне любимому доведет*» (Ibidem) также содержит в себе искажение, потому что слова «*мне любимому доведет*» должны иметь такой смысл: «вестью о твоём благополучии посол доставит мне приятность, удовольствие».

Из «хранимого», то есть «богохранимого» – подлинной султанской грамоты в переводе сделано: «*бережливая* Константина града» (Ibid., стр. 289). Заключительная фраза той же гра-

моты: «Поклон тебе и *тому, который провожает*», представляет полнейшее искажение того надменного обращения, которым правоверные любили оканчивать свои письма к неверным и которое состоит из коранического изречения (Сура XX, стих 50), что по-русски значит: «Мир над тем, кто следует по прямому пути (к спасению)!»

При всех исчисленных несовершенствах своих эти переводы представляют порядочный запас материала, полезного при разработке вопросов внешней политики Крымского ханства и его отношений к Порте. Жаль только, что издание обнимает всего лишь 30 лет, с 1474 по 1501 год, хотя и за это большое спасибо издателям.

Наконец следует еще указать на один недавно вышедший весьма почтенный труд, который, имея свою специальную задачу, представляет весьма важное пособие и для разработки истории Крымского ханства. Мы разумеем «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды» В. Тизенгаузена. Т. I. СПб., 1884. – Крымское ханство есть также политический отпрыск Золотоордынской державы, развившийся по истлении своего родоначального древа. Период возникновения этого отпрыска и достижения им полной зрелости в виде самостоятельного отдельного государства – самый темный в целой истории ханства вследствие недостатка точных данных для его надлежащего освещения. Первый том вышеупомянутого Сборника, содержащей пока «извлечения из сочинений арабских», кроме известий касательно собственно Золотой Орды, включает некоторые любопытные сведения и о Крымском ее уделе. Если эти сведения и не совсем восполняют указанный нами пробел в истории возникновения отдельного ханства в Крыму, то все же дают возможность составить более или менее ясное представление об общем положении дел в Крыму в эпоху, предшествовавшую образованию там особого ханства, и уразуметь, хоть приблизительно, свойство тех прежних элементов, из которых сложился новый татарский политический центр, на много столетий переживший главный улус, частью сохранив некоторые его предания в своем собственном строе, частью видоизменившись под влиянием иных географических и исторических условий. Воспользовавшись, сколько можно было в пределах задачи настоящего исследования, Сборником барона В. Г. Тизенгаузена, я считаю обязательным для себя не столько выразить свою личную признательность к почтенному составителю, сколько воздать подобающую честь его прекрасному труду с точки зрения его общенаучной важности, потребовавшему исключительной и бескорыстной любви к предмету со стороны того, кто столь терпеливо взялся за этот труд и так добросовестно выполнил его.

Что касается плана настоящего исследования, то он определяется свойствами самого предмета исследования. Крымское ханство никогда за все время своего существования не жило вполне самостоятельной жизнью, которая была бы выражением одних коренных бытовых черт национального характера господствующего народонаселения. Даже входившие в состав его тюркские племена и те не представляли одной сплоченной массы, не говоря уже о черкесах, калмыках и прочих народных группах, местившихся на территории ханства: политическая связь этих народностей с ним всегда была очень сомнительного свойства. Главное же раздвоение в быте ханства происходило в нем вследствие его отношений к Османской Порте, длившихся от самого его основания до подпадения под власть России. Это же раздвоение сказалось и в истории ханства. Одна ее часть обнимает факты чисто внешнего политического свойства, которые почти исключительно были отражением османской политики: перемены в ханском персонале, непрерывные походы крымских полчищ, даже самые переселенческие движения кочевых элементов ханства сплошь и рядом совершались под влиянием намерений и планов Османской Порты и временных заправил ее, производивших давление на Крым через посредство членов властвовавшей там династии Гераев и через собственных приставников, сидевших в Кафе и других укрепленных пунктах, железным кольцом оцеплявших центральную территорию ханства. При этих условиях народный характер местного населения не мог вполне развернуться и выработать особый, своеобразный склад государственного быта соответственно

основным началам, которые присущи каждой нации. Тем не менее эти начала продолжали существовать во внутреннем, так сказать домашнем, быту населения, хотя и они не могли не подвергнуться в своем проявлении некоторым изменениям. Эти последние были неизбежным результатом тех же близких отношений, в которые судьба поставила крымскую отрасль золото-ордынцев с османскими турками. Религиозно-нравственные понятия крымцев, строй их внутренних учреждений, бытовые вкусы, даже самый язык и литература отчасти сохранили свои первобытные черты, не представляя слишком значительных изменений, частью же видоизменились, обнаруживая несомненные признаки влияния соответственных сторон быта и жизни турецкой. Но фазисы этого изменения не настолько последовательно обозначились в исторических памятниках, чтобы их можно было с точностью приурочить к тем или другим эпохам политической истории ханства. Отсюда возникает необходимость выделения бытовой истории Крымского ханства, факты которой могут быть представлены только в особом обозрении, будучи сгруппированы по известным категориям.

По высказанным соображениям и подлежащее сочинение по-настоящему должно состоять из двух частей, из коих одна должна быть посвящена изложению политической истории Крымского ханства под верховенством Оттоманской Порты, другая – заключать обзор внутреннего быта и жизни народа, составлявшего господствующее население этого ханства. Само собой разумеется, что при тесной связи всех сторон общественной и частной жизни людей везде и во все времена вышеозначенное распределение исторического материала не должно быть принимаемо в слишком строгом смысле: и факты политической истории нередко нуждаются для их истолкования в сопоставлении их с некоторыми бытовыми явлениями; равно как и эти последние, в свою очередь, часто получают надлежащее осмысление, только будучи поставлены в связь с обстоятельствами случайными, кроющимися в массе событий внешних, политических. Предлагаемая на суд читателей книга главнейшим образом имеет своей задачей исследование первой половины предмета, причем факты второй категории будут затронуты в ней лишь отчасти, там где было кстати коснуться их. Полное же и всестороннее изложение их требует другого, самостоятельного труда. Главнейшая причина этого заключается в том, что материалы, потребные для такого исследования, пока нельзя считать вполне объявившимися: они все еще продолжают время от времени выплывать наружу.

Не далее как летом прошлого 1886 года мне довелось быть в Крыму и познакомиться с тамошними архивами. Оказалось, что в симферопольском губернском архиве находится целая залежь рукописей на татарском языке, которые содержат в себе чрезвычайно богатый материал для иллюстрации бытовой истории Крымского ханства, ожидающей ученой разработки. Я говорю о так называемых казы-эксерских дефтерах, составляющих остаток ханского архива, на которые слабое и неопределенное указание сделано г. Хартахаем в его статье «Историческая судьба крымских татар» («Вестник Европы» за 1867 г. Т. II, стр. 149, примеч. 2). Этих дефтерей около сотни, хотя кем-то и когда-то выставленные на них номера показывают, что их было гораздо больше. В них содержатся копии всевозможных официальных документов, вписанных целиком или в сокращенных извлечениях. Больше всего в них имеется резюме различных судебных процессов по гражданским и уголовным искам и наследственно-раздельных актов. Но, кроме того, там есть и духовные завещания, и нотариальные записи, и правительственные распоряжения касательно внутреннего благоустройства и по части финансовой, строительные сметы, подворные переписи населения с обозначением доходных имуществ, и т. д. Немало также данных для изучения положения рабов в Крымском ханстве.

Само собой разумеется, что в исследовании бытовой истории Крымского ханства едва ли позволительно игнорировать такой непосредственный источник, как вышеозначенные архивные документы, которые составляют целую сплошную серию, начиная с половины XVI в. вплоть до самого конца существования ханства, и которые до сего времени лежали под спудом. Это обстоятельство, надеюсь, достаточно оправдывает те скромные пределы, которыми я

ограничился пока в настоящей своей работе, посвященной политической истории Крымского ханства <...>

Два слова о внешней стороне этой книги. Чтобы сделать ее удобной и для неориенталистов, я по возможности избегал включения в текст турецких отрывков, передавая их содержание по-русски, кроме некоторых отдельных слов и выражений, представляющих особую важность в турецко-татарском оригинале.

Хронологические даты мусульманские переложены на числа христианской эры по новому стилю, как уже было замечено выше (стр. XVIII, 1), на основании «*Vergleichungs-Tabellen der Muhammedanischen und Christlichen Zeitrechnung*» Фердинанда Вюстенфельда (Leipzig, 1854).

Заглазное печатание книги в Казани требовало компетентного надзора на месте за исправностью корректурных работ и печатания. Этот надзор любезно принят был на себя обязательнейшими Иосифом Федоровичем Готвальдом и Николаем Ивановичем Ильминским. Последнему, кроме того, я обязан сообщением мне данных для разъяснения некоторых сомнительных вопросов, встречавшихся в моем исследовании. За все это я считаю приятным для себя долгом засвидетельствовать обоим почтеннейшим ориенталистам свою глубокую благодарность.

В. Смирнов.

I. Политическое состояние Крымского полуострова со времени проникновения в него тюркской народности до образования особого татарского ханства

Приступая к изложению фактов прошлой истории Крымского ханства, естественно коснуться вопроса о том, что надо разуместь под этим ханством в смысле определенной территориальными границами государственной единицы в то время, когда это ханство получило обособленное существование, сформировалось в отдельное государство. Подобный вопрос весьма прост и ясен относительно современных нам государств, границы которых строго определяются существующими и действующими международными актами и трактатами. Но он становится крайне затруднителен, когда дело касается государств давнишних, далеких от нас времен, в частности государств, создававшихся азиатскими народами. Насколько у последних слабо были развиты топографические сведения по части границ обитаемых ими местностей, до некоторой степени можно видеть из одного рассказа, сообщаемого Герберштейном. «Однажды Московиты, – пишет он, – взяли в плен одного жирного Татарина. На слова Московита: “Откуда у тебя, собака, такой жир, когда тебе нечего есть?” Татарин отвечал: “Почему это мне нечего есть, когда я обладаю такой обширной землей от востока до самого запада; разве от нее я не могу получить всего в изобилии? Скорее тебе нечего есть, потому что ты владеешь такой маленькой частицей земного шара и ежедневно за нее сражаешься”»⁶³. Хотя тон этого рассказа сейчас же изобличает в нем анекдот московской фабрикации, каких у г. Герберштейна немало приведено насчет татар, тем не менее он очень хорошо характеризует ту индифферентную безразборчивость, с которой татары смотрели на земельную собственность свою и своих соседей.

Но если у самих татар были такие смутные представления о границах своего государства, то не большей ясностью отличаются и посторонние сведения по этой части, имеющиеся у других народов, и по весьма понятной и естественной причине: разнородность национальных элементов, входивших в состав государства, а главное – подвижность и расплывчатость элемента кочевого, бродячего, запутанность отношений и частые династические перевороты – все это ставит еще большие затруднения к точному обозначению территориального объема государств, подобных Крымскому ханству. В частности, вопрос о территориальном объеме этого последнего усложняется еще тем, что самое возникновение ханства как отдельного государственного центра много представляет неясного в историческом смысле. Его история становится вполне достоверной лишь с того момента, когда оно вошло в близкое соприкосновение с Османской империей, будучи зачислено в состав вассальных ее владений при султани Мухаммеде II Завоевателе в конце XV века. Все, что относится к предшествующему времени, представляет большую неясность, вызывает много предположений и сомнений вследствие недостаточности несомненных исторических данных, на основании которых можно было бы сказать что-нибудь решительное об этнографической принадлежности и политическом быте народонаселения, теснившегося внутри Крымского полуострова. Одна только береговая полоса, давно бывшая в руках европейских колонистов, составляет некоторое исключение; да и то насчет нее встречаются иногда сомнения, а именно по вопросу об отношениях европейских поселенцев к татарам, с которыми они одно время должны были делить господство над полуостровом.

Если можно еще говорить о чем на основании имеющихся скудных источников, то разве о проникновении и приливе тюркского элемента в Крым вообще, да об основании и географическом приурочении некоторых поселений, носящих какие-нибудь следы более или менее давнего и прочного водворения в них тюрков. Насколько позволяют нам наши источники, мы

⁶³ Герберштейн и его истор. геогр. Известия о России. Соч. Е. Замысловского. СПб., 1884. Стр. 507.

можем одно только утвердительно сказать, что усиленный прилив тюркского элемента на полуостров извне начался не позже первой половины XIII столетия, т. е. со времени вторжения татар, если не принимать в расчет тюркской национальности хазар, которые раньше других тюрков имели там свою оседлость, а также если не придавать значения сомнительному свидетельству Рубруквиса, что уже половцы брали дань с Херсона, Солдаи и находившихся между ними Сорока замков⁶⁴. Прилив этот, в памятное истории время, совершался с двух противоположных сторон: сухим путем через перешеек, соединяющий Крымский полуостров с южно-русскими степями, куда постоянно придвигались разные кочевые тюркские орды из-за Волги и Дона; тем же сухим путем и через Черное море из Малой Азии, откуда также иногда прибывали партии сельджуков, которые делали временные набеги на Крым или же искали там постоянного себе приюта, гонимые какими-нибудь неурядицами и смутами, мешавшими им спокойно жить в своем отечестве. Мы сперва остановим свое внимание на этих именно экскурсиях сельджукских турков из Малой Азии.

Малая Азия задолго до возникновения Оттоманского государства была уже наводнена турками, образовавшими там несколько отдельных княжеств под владычеством разных династий, которые известны в истории под общим родовым именем сельджукских. Возникновение и исчезновение этих княжеств было не более как обменом власти династических родов, этнографический же состав господствующего народонаселения этих княжеств оставался один и тот же, тюркский. Такая перемена декораций в политическом строе Малой Азии продолжалась вплоть до того времени, когда наконец взяла силу и возобладала династия Оттоманская, которая и наложила, по исконному среднеазиатскому обычаю, свое имя на все турецкое население, вошедшее в черту ее владений. Этим только и объясняется то явление, что какая-нибудь незначительная тюркская орда, во главе которой стоял род Османов, в короткое время выросла в большое и сильное государство. Да и то не менее крепкая властительная отрасль Караман-Оглу довольно долго и упорно отстаивала свою независимость от дома Османова и при всяком удобном случае ставила всякие помехи спокойному владычеству его, поднимая мятежи и входя в союз с противниками и недругами Оттоманской империи, пока сила вещей не сломила рогов этому крупному сопернику дома Османлы.

Когда Османской державе суждено было потом, в XV веке, распространить свое владычество и на Крымский полуостров, то оно, это владычество, нашло там уже подготовленную для себя почву в предыдущие времена; османлы встретились в Крыму не с одними только чуждыми им по крови и враждебными по духу, но и с родственными им по происхождению обитателями, у которых они нашли естественную поддержку в деле совершенного вытеснения с полуострова европейских поселенцев и водворения там собственной власти. Замечательно, что самое тюркское население в Крыму представляет немалое разнообразие, сказывающееся как во внешнем сложении тела, особенно в чертах лица, так и в фонетическом строении речи. Такое разнообразие на сравнительно маленьком территориальном пространстве не могло быть, конечно, делом простой случайности или результатом влияния одних географических условий. Тип татар южного берега и ближайших к нему гористых местностей внутреннего Крыма значительно разнится от татарского типа отлогих местностей и степных равнин, не говоря уже о чистых ногайцах, плоское и скуластое устройство физиономии которых резко отличается от типа южно-бережского, весьма близкого к чисто европейским формам. Последнее явление всегда обращало на себя внимание историков, которые пришли к тому убеждению, что южно-бережские татары суть не что иное, как отатарившиеся поселенцы греческой и генуэзской национальности⁶⁵. Этого взгляда, правда, нельзя пока отрицать категорически, но нет также непоколебимых оснований и к тому, чтобы безусловно доверяться ему; если и можно принимать его,

⁶⁴ Recueil de Voyages et. de Mém. P. 4835. IV, p. 217.

⁶⁵ Н. Мурзакевич. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837. Стр. 91.

то с некоторыми ограничениями. Если, в самом деле, южно-бережское население, говорящее на турецком языке, имело своими предками греков, то, спрашивается, почему же эти предки не все отуречились, а некоторые сохранили свою национальную особенность до позднейших времен, пока не были выселены из Крыма в конце прошлого столетия по распоряжению русских властей в количестве более тридцати тысяч душ? Что же касается до генуэзских поселенцев, то они были большей частью народ торговый, живший по принципу *ubi bene ibi patria*. Обыкновенно такие колонисты, как только им приходилось плохо в их колониях от каких-нибудь врагов, «собрав свои животы», покидали свое временное отечество и отправлялись отыскивать другого, более безопасного пристанища. Так поступили венецианцы в Салониках, когда не в силах были отстоять этого города от натиска турецких полчищ султана Мюрада II в 1430 году⁶⁶; так было с генуэзскими колонистами в Галате во время взятия Константинополя турками⁶⁷; на подобных условиях капитулировал Родос с султаном Сулейманом в 1522 году⁶⁸, и т. д. Так оно, без сомнения, бывало и с генуэзцами, занимавшими несколько укрепленных пунктов в Крыму⁶⁹. И при нашествии турок, не могли сопротивляться, они также спасались бегством; захваченные в плен были вывезены из Крыма самими завоевателями; успевших же сохранить свою жизнь, но не имевших средств удалиться едва ли могло остаться в Крыму столько, чтобы они, смешавшись с татарским населением и утративши свои прочие национальные признаки, как язык и религия, сообщили ему, однако же, свои племенные черты в типе лица и вообще телесной конструкции, а не были целиком поглощены этим населением, превосходившим их и своей численностью и животной натурой.

А куда же девались в Крыму те пришлые турки, которые являлись туда из Малой Азии? Нельзя же допустить, чтобы набеги их всегда были простыми прогулками, после которых они опять сполна возвращались туда, откуда приходили. Мы имеем положительные сведения об эмиграции крупной толпы сельджуков, которые после долгих скитаний окончательно засели на Крымском полуострове. Надобно полагать, что именно эти малоазийские выходцы тюркского племени и оставили следы своего водворения в Крыму именно в той части его населения, говорящего на турецком языке, в которой историки гадательно хотят видеть потомков генуэзских поселенцев.

Исконность тесных отношений между тюркским народонаселением Крыма и Малой Азии до сих пор свидетельствуется некоторыми бытовыми явлениями, которые надобно наблюдать на месте, чтобы понять их истинное значение. Когда вы, например, спросите какого-либо анатолийца, захавшего в Крым: «откуда ты?», он вам непременно ответит, что он «с противоположной стороны», с противоположного берега Черного моря. И это выражение звучит повсеместно в Крыму в таком тоне, как будто бы речь шла о противоположном берегу какой-нибудь реки – Волги, Невы и т. п. Далее, некоторые отрасли промышленности до сих пор составляют точно какую-то привилегию заморских турков, каково, например, хлебопекарное дело, которое во всем Крыму есть специальность анатолийских турков. Наконец, в числе народных верований и обычаев, живущих среди южно-бережских татар, есть такие, которые также косвенным образом указывают на сохранившиеся у них воспоминания о Малой Азии, как об очень близкой их сердцу стране, с которой у них осталась духовная связь. Так, на VI археологическом съезде в Одессе почтенный протоиерей Чепурин, занимающийся церковно-археологическими исследованиями христианских древностей Крымского полуострова, сообщил следующий любопытный факт, наблюденный им у татар южного побережья. Когда случается какая-нибудь невзгода с их полями и садами, угрожающая неурожаем, они отправляют депутацию в Каппадокию за святой

⁶⁶ Zinkeisen, Gesch. d. Osm. Reiches. I: 564.

⁶⁷ Zinkeisen, Gesch. d. Osm. Reiches. I: 851.

⁶⁸ Zinkeisen. II: 630.

⁶⁹ *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к Истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I, стр. 120.

водой, которая должна быть освящена непременно тамошними монахами, и этой водой кропят свои поля и сады, страждущие от засухи, или насекомых и т. п. Почтенный реферант, толкуя вышеприведенный обычай со своей точки зрения, видит в нем указание на прежнюю принадлежность к христианству крымских жителей, ныне считающихся мусульманами. Но основание для такого толкования нам кажется недостаточно веско. Почитание христианской *аясмы*, как турки и татары называют святую воду, вещь обыкновенная даже и у константинопольских турков: мы сами видели, как турчанки с благоговением пили святую воду в одной маленькой пещере, находящейся на той части Босфора, которая носит название Календер, и посвященной чести и памяти св. Иоанна Крестителя. Когда мы их спросили: «Отчего вы пьете эту воду?» Турчанки отвечали: «Это Божья вода». Но при этом они бы с ужасом воскликнули: «Помилуй Бог!», если бы их заподозрить в принадлежности к христианству. Это явление в религиозном быту турков и татар можно объяснить скудостью мусульманского культа вообще, вследствие которой они принуждены искать удовлетворения своей природной суеверности или в своих же добавочных обрядах и обычаях, не имеющих, однако же, ничего общего с исламом, или даже в каких-нибудь обрядностях чужого культа, например культа христианского. Крымцы же, разобщенные с остальным мусульманским миром, не довольствуясь своими местными святынями, с радостью встречают всяких чудодеев-святош, вроде Тадж-эд-Дин-задэ Мухаммед-Садыка, который приезжал и в Константинополь и в Крым из Кесарии в 1881 году и творил чудеса исцеления больных, о чем и публиковал в турецких газетах⁷⁰. С таким же, помнится, восторгом около того же времени принимали крымцы какого-то другого шарлатана, привозившего ковчег с клочком бороды пророка Мухаммеда. Почитание гробниц мнимых угодников Божиих и вера в целебное свойство родников и ключей, бьющих и текущих в некоторых заветных местах, также весьма распространено у крымских татар повсюду.

В обычае же их посылать за святой водой в Малую Азию, кроме общей свойственной им суеверности, можно видеть выражение почитания святыни, находящейся в той местности, которая некогда была отечеством их предков.

Но оставляя в стороне догадки, обратимся к фактам. Арабский историк Ибн-эль-Асир, повествуя о нашествии татар и деяниях их в «Алане и Кипчаке» в 617 = 1222 году, говорит следующее: «Придя к Судаку, татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них с своими семействами и своим имуществом взобрались на горы, а некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую, которая находится в руках мусульман из рода Кылыдж-Арслана»⁷¹.

Это несколько темное место вызвало немало соображений, находящихся в примечаниях к переводу сказания Ибн-эль-Асира, помещенному в «Ученых Записках Ак. Наук», II, стр. 660. «Есть сказание, – читаем мы в примечаниях, – что пред нашествием татар Корсунь, Судак и другие города южной части Крыма платили половцам дань, вероятно, для того, чтобы они не тревожили их своими набегами»⁷². Далее высказывается предположение, что, «может быть, и после битвы при Калке Корсунь с подвластными трапезундскому императору южными берегами не был посещен татарами, потому что иначе Гетум, правитель Синопа, едва ли осмелился бы предпринять поход на Крым летом 1223 года»⁷³. Наконец, разногласие источников о времени

⁷⁰ Газета «Вақыт», № 2183, стр. 4.

⁷¹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. СПб., 1884. Стр. 26. – Выражение «из рода Кылыдж-Арслана» должно понимать в таком смысле, что Кылыдж-Арслан упоминается тут не как родоначальник известного сельджукидского племени, а только как предок властвовавшей тогда в Малой Азии династии, подобно тому как Османлы так называются по имени основателя властвующей у них династии, а не потому, чтобы Осман был родоначальником целой нации. Таков был общий обычай тюркских народов.

⁷² Уч. Зап., II: 732.

⁷³ Уч. Зап., II: 733.

бегства судакских жителей, и притом отплытие их в *мусульманские* земли, приводит некоторых историков к заключению, что Судак был опустошен татарами уже после битвы при Калке⁷⁴.

В означенную пору иконийским султаном сельджуков был Ала-эд-Дин-Кэй-Кобад-бен-Гыяс-эд-Дин. Византийские источники рассказывают о постыдной для сельджуков войне, веденной в 1223 году этим султаном с Андроником I, возгоревшейся из-за того, что синопские сельджуки ограбили греческий корабль, везший государственные подати Корсуни и тамошних стран Готфии, и что синопский правитель-капитан, или, как его называли, реис, послал на Корсунь вооруженные суда, и они совершенно опустошили эту страну⁷⁵.

В турецких источниках султан Ала-эд-Дин превозносится как замечательнейший человек своего времени. Про него говорится, что «он был краса династии; имел ревность к священной брани и овладел областями (Рума) вплоть до Скадара, произведя в них погром и опустошение; что он перевез свое войско из Синопа через Черное море и *завоевал в странах Дзити-Кыпчака крепость Судак*. В 618 = 1221 году он возвел стены в Конии и Сивасе и овладел лежавшей на берегу Белого моря крепостью Алайей. В 625 = 1228 г. он сразился с султаном Джелал-эд-Дином Харезм-Шахом в армянском местечке, называемом Чомен. И из городов грузинских многие взял»⁷⁶. Другие турецкие историки тоже восхваляют этого султана, но о поражении его греками ничего не говорят. Комментатор известий Ибн-эль-Асира полагает, что это «молчание, может быть, намеренное, потому что война окончилась так постыдно для тюрок»⁷⁷.

Но подробное описание этой войны принадлежит трапезундскому митрополиту Иоанну, весь интерес которого состоял в прославлении чудес св. Евгения, который «в виде огненной стрелы перелетел в храм свой с высоты неприятельского лагеря. Варвары же (о чудо!) рассеялись во все стороны, как бы разметанные громом», и т. д. и т. д.⁷⁸. Про сельджукского же султана говорится, что он был взят в плен, но что император, вследствие совещания с своими сановниками, вскоре отпустил его; что он, по прибытии домой, не только исполнял условия клятвенного договора, но еще сверх того часто посылал императору Андронику Гиду арабских коней и другие почетные подарки, повсюду распространял славу чудесных деяний святого и ежегодно приносил богатые дары монастырю мученика⁷⁹.

Этот рассказ сильно отзывается легендарным характером, и так от него веет византийской риторикой, что становится затруднительно, чему отдать предпочтение – разукрашенному ли повествованию митрополита Иоанна или полному умолчанию мусульманских историков. Это, надо полагать, была одна из тех стычек, которые беспрестанно происходили между сельджуками и византийцами, и потому, ничем особенно не отличаясь, не обратила на себя внимания мусульманских историков. В византийском сказании одно положительно неверно, как, например, имя султана иконийского; другое же, как, например, беспричинное немедленное освобождение императором взятого в плен султана, что-то уж очень сомнительно. Что же касается склонности к почитанию христианских святынь, которую будто бы питал султан Ала-эд-Дин, или, как он назван в сказании, Мелик, то у византийцев есть слабость приписывать эту склонность разным иноверным властительным лицам: подобное подозрение в склонности к христианству брошено ими и на другого сельджукского князя, Изз-эд-Дина⁸⁰.

Для нас во всей этой истории важно только то, что турки-сельджуки об эту пору производили вторжения в Крым морским путем и некоторое время держали в своих руках Судак.

⁷⁴ Уч. Зап., II: 745.

⁷⁵ Уч. Зап., II: 739.

⁷⁶ Кюнгюль-Ахбар, Ркп. Имп. Публ. Библ. в Отчете за 1879 г., стр. 24, № 5, л. 301 v.

⁷⁷ Учен. Зап. II: 736.

⁷⁸ Loc. cit., 742.

⁷⁹ Loc. cit., 742.

⁸⁰ Pachymeres, vol. I: 265; Niceph. Greg., 90, 10.

Очень может быть, что бежавшие от татар на кораблях в мусульманские земли судакцы и были именно турки, сидевшие в завоеванном ими городе в качестве гарнизона, пока их не спугнули оттуда нахлынувшие татары.

Принятие ислама золотоордынским ханом Беркэ сделало его настоящим героем в глазах правоверных арабских летописцев, и они все очень подробно распространяются о его деяниях, а особенно о его сношениях с египетским султанатом и о вмешательстве в дела малоазиатских мусульман. При нем-то и имело место одно событие, не лишенное своего значения для истории водворения тюркской народности в Крыму, а именно эмиграция довольно крупной толпы турков-сельджуков из Малой Азии в Европу и первоначальное поселение их в Добрудже, откуда они вынуждены были потом передвинуться в Крым. Эта эмиграция происходила под предводительством некоего Сары-Салтыка, память о котором увековечена в преданиях, где личность Сары-Салтыка окружена ореолом святости и даже прославлена чудесами. Дело было так.

Сыновья иконийского султана Гыяс-эд-Дина Кэй-Хосрова, Изз-эд-Дин и Рукн-эд-Дин сперва оба пришли на поклон к Гулагу-хану вскоре по завоевании им Багдада с изъявлением покорности. Но затем Рукн-эд-Дин без явного повода, а вероятно только с целью захватить владения брата, двинулся против него, вспомагаемый монгольским отрядом. После неудавшихся попыток уладить дело путем мирных переговоров Изз-эд-Дин бежал в Анталию. Когда же войско его под начальством Али-Бегадыра было разбито и он увидел, что дело его проиграно, то он стал просить убежища у византийского императора, Михаила Палеолога, который ласково приютил беглого экс-султана. Туда же явились с целой свитой разбитый его полководец Али-Бегадыр и шталмейстер Огурлу. Полководец оказался полезен императору в его войне в Румелии, чем еще более усилил расположение императора к себе и к своим братьям-пришельцам. Через несколько времени они обратились к императору с такой просьбой. «Мы, – сказали они, – турецкого племени. Вечно жить в городе мы не можем. Вот как бы нам вне его отведено было место для жительства, то мы бы привели из Анадола родственные нам тюркские семьи и стали бы там проводить лето и зиму». Василевс (император) дал им в поселение Добруджскую область, местности которой прекрасны, спокойны, здоровы, с благорастворенным климатом. Они тогда под рукой дали весть родственным с ними анатолийским тюркам. Много тюркских кибиток под видом кочевки на зимовье спустились тогда с Сары-Салтыком к Изнику (Никее), через Изнемид (Никомедию) подошли к Эскадару (Скутари) и переправились. В Добрудже довольно долгое время было два-три мусульманских города да тридцать или сорок групп турецких кибиток; они давали отпор врагам василевса и побеждали их.

После того на ночной пирушке у Изз-эд-Дина один из собеседников повел такого рода речь, что, мол, не худо бы ему было, лишившись своих прежних владений, при удобном случае свергнуть василевса и захватить царство над Стамбулом и над всей страной, а там бы, может быть, представился случай и насчет Анатолии, потому что подданные и свита султана по благоволению Божию умножились до 10–12 тысяч мужей. Об этом разговоре донес император виночерпий, один лукавый грек. Император сперва заключил в оковы Огурлу-бека с Али-Бегадыром; потом первого ослепил, а второго умертвил; султана же с двумя старшими сыновьями заключил в крепость, а мать его, которая была сестра василевса, с двумя маленькими сыновьями оставил в Стамбуле в своем доме; тех из свиты и нукеров их, которые приняли христианство, пощадил, не отрeksiвшиеся же от ислама навсегда остались сидеть в тюрьме. Тогда брат султана (Рукн-эд-Дин), по внушению Божию, обратился с просьбой к хану Дешти Беркэ-хану, говоря: «Спаси моего брата». Хан послал большое войско, а вслед за ним явился и сам Беркэ с сильным полчищем и осадил Константинополь; но потом, пострашав императора, заключил мир, освободив Изз-эд-Дина из заточения. Султана татары представили Беркэ-хану, который принял его ласково и с подобающими почестями, угостив кумысом и бузой. Добруджских турков он с Сары-Салтыком перевел в Дешти-Кыпчак; дал султану в вотчинное владение Солхат и Судак, и тюркам тоже дал место для жительства.

Так об этом водворении малоазиатских тюрок сперва в Добрудже, а потом и в Крыму повествует Сейид-Лукман, придворный поэт султана Мюрада III, в своем извлечении из старинного исторического сочинения, изданном с латинским переводом и примечаниями профессором Гельсингфоргского университета Лягусом под заглавием «*Seid Locmani ex libro Turcico qui Oyhuзname insoribitur*». *Helsingforsiae. 1854.*

По существу текста Лукмана возможны соображения касательно водворения турецких переселенцев с Сары-Салтыком во главе в Добрудже. Покойный профессор Ф. К. Брун, предполагая, что потомками малоазийских переселенцев Изз-эд-Дина можно считать так называемых гагаузов, которые еще ныне встречаются в Варне и в окрестностях этого города, присовокупляет: «Но так как, по Сейиду Локману, Туркмены или Огузы застали уже в Добрудже турецких обитателей, которые легко могли смешаться с малоазиатскими их родичами, то в числе нынешних гагаузов могут также находиться потомки вышеприведенных переселившихся турецких племен, в особенности половцев, так как они именно, после нашествия монголов на Южную Россию, в большем числе перебрались в Болгарию»⁸¹. Смысл же вышеприведенного места в турецком тексте таков, что там скорее говорится об одних только малоазийских выселенцах. Это место можно перевести так: «Много турецких семей перекочевало, и довольно продолжительное время в добруджской области было два-три мусульманских города, да тридцать-сорок групп турецких кибиток». Это значит, что переселенцы, перебравшись в Добруджу и прожив там порядочно времени, заселили 2–3 города и отчасти, в количестве 30–40 групп кибиток, по-прежнему продолжали вести жизнь кочевую. Это как нельзя более вяжется с последующим. А дальше говорится, что они «давали отпор врагам василевса и побеждали их». Значит, они были на самом лучшем счету у императора, пока не произошел разлад по случаю рассказанной вслед за этим нелепой затеи пьяных приближенных Изз-эд-Дина. Тут нет Лукману повода упоминать о других тюрках, ранее поселившихся в Добрудже. Допустив тот факт, что орда, приведенная Сары-Салтыком, раздвоилась потом на оседлую, водворившуюся в 2–3 городах, и сохранившую прежний, кочевой образ жизни, мы тогда можем себе объяснить, почему некоторые из подданных и слуг Изз-эд-Дина, вследствие гонений на них разгневанного императора, приняли христианство, другие же остались мусульманами и, по освобождении Изз-эд-Дина из византийского плена Беркэ-ханом, перекочевали в Крым. Надо думать, что вероотступниками сделались уже оседлые переселенцы, которым не захотелось расстаться с своими облюбованными обиталищами, тогда как истые кочевники поупрямились и, выждав удобный случай, перебрались на новые места, именно в Крым.

Это, кажется, будет более согласно и с известиями византийских историков. Например, Никифор, подробнее других повествующий о пребывании и деяниях сельджукских эмигрантов на византийской территории в Европе в данный период времени, неоднократно оговаривается, что он имеет в виду именно тех, которые вышли из Малой Азии с султаном Изз-эд-Дином⁸². Равным образом, хотя они и называются у византийцев именем Τουρκόπουλοι, каким звались вообще служившие под византийскими знаменами турки⁸³, но, когда нужно, постоянно различаются от других народов⁸⁴, в том числе и от команов, или половцев⁸⁵, на слияние с которыми этих эмигрантов рассчитывает г. Брун. У тех же историков не раз и настоятельно указывается на тесное сближение некоторых из этих сельджукских выходцев с местным христианским населением Балканского полуострова в отношении общежития и религии⁸⁶. Поэтому выражение

⁸¹ Черноморье, II: 333.

⁸² Niceph. Greg. Bonnae. Pp. 229, 248 и др.

⁸³ Niceph. Greg. Bonnae. а также Pachymer. II: 524.

⁸⁴ Pachymer. II: 524, 550, 553, 591, 601 и др.

⁸⁵ Niceph. Greg.; 111.

⁸⁶ Nicephor., 229.

Лукмана, что «в Добрудже долгое время было два-три города мусульманских», можно толковать не в смысле основания каких-то новых городов мусульманами, а только в смысле утверждения оседлости некоторой части мусульманских переселенцев в двух-трех городах добруджских, которые дотоле были обитаемы одними христианами, подобно тому как селились же турки, и в большом количестве, даже в самом Константинополе, прежде чем он стал столицей их собственного государства.

Несомненным все же остается факт поселения целой партии сельджукских эмигрантов в Крыму во второй половине XIII века, которое состоялось, согласно свидетельству всех историков, при участии Беркэ-хана. Как и в чем проявилось его участие – это другой вопрос: в этом историки расходятся.

По словам Сейида Лукмана, как мы видели выше, Рукн-эд-Дин, прежний враг Изз-эд-Дина, тронулся будто бы потом злополучной судьбой своего брата и стал просить Беркэ-хана вступить за него. Хотя сострадание Рукн-эд-Дина приписывается Лукманом особому внушению Божию, но все же обращение его к заступничеству Беркэ-хана нам кажется невероятным, если он сам был под протекцией Гулагу-хана, заклятого врага Беркэ-хана. Эта вражда поддерживалась и усиливалась подстрекательствами, шедшими из Египта от султана Бейбарса, который ходатайствовал и за султана Изз-эд-Дина, прося оказать содействие ему⁸⁷. А так как византийский император был в дружественных и даже родственных отношениях с Гулагу, то Беркэ, чтобы досадить союзнику врага своего, не преминул между прочим воспользоваться случаем и потребовал освобождения Изз-эд-Дина. Но ближайшим поводом к посылке Беркэ-ханом войска против Константинополя послужило задержание там послов к нему египетского султана⁸⁸.

Другие историки, как например Мюнедджим-баши, мотивируют заступничество Беркэ-хана за Изз-эд-Дина родственными их связями. Когда произошло вышеописанное недоразумение между сельджукским царевичем и византийским императором, говорит Мюнедджим-баши, «Крымский хан Беркэ-хан, который имел (женою) тетку Изз-эд-Дина, услышав об этих обстоятельствах, послал весть к королю (т. е. к императору) и велел привести Изз-эд-Дина с детьми (к себе)»⁸⁹. Эти родственные отношения констатируются и весьма точно изображаются еще в одном довольно старом турецком историческом памятнике, принадлежащем библиотеке Учебн. Отдел. Восточн. язык., № 323⁹⁰. Там в статье о смерти румского султана Ала-эд-Дин-бен-Кейкобада, который приходится дедом Изз-эд-Дину, сказано, что у него осталось три сына и четыре дочери. Старший сын, от греческой рабыни, Гыяс-эд-Дин занял престол румский и велел задавить тетивой лука младших братьев своих. А из дочерей его «одна по смерти отца (который умер в 634 = 1236–1237 году), с позволения брата своего, султана Гыяс-эд-Дин-Кейхосров-бен-Кейкобада, вышла замуж за Сылях-эд-Дин-Абу-ль-Музаффар-Юсуф-бен-Эюба, владельца шамского; другая вышла замуж за Беркэ-хан-бен-Тули-хан-бен-Чингизхана, ибо он сделался мусульманином и был благочестивый и благоверный единобожник; третья вышла замуж за Гулагу-хан-бен-Тули-хан-бен-Чингизхана; а четвертая умерла еще при жизни отца»⁹¹. Следовательно, жена Беркэ приходилась теткой сыновьям Гыяс-эд-Дина. Поэтому выходит также, что такой же теткой была им и жена Гулагу-хана. Если присо-
вокупить еще, что, по свидетельству византийских историков, мать Изз-эд-Дина была христи-

⁸⁷ Тизенгаузен, 55 и 59.

⁸⁸ Тизенгаузен., 62 и 190–191.

⁸⁹ Мюнедджим-баши, II: 572.

⁹⁰ Библиографическую заметку об этой рукописи см. в соч. Барона В. Р. Розена «Василий Болгаробойца», стр. 76.

⁹¹ Рукопись, лист 348 recto & verso.

анка⁹², то получится весьма любопытная картина запутанной фамильной распри, для которой не было препятствий ни в родственных связях, ни в религиозных отношениях.

Расходясь насчет мотивов вмешательства Беркэ-хана в отношения византийского императора к Изз-эд-Дину, историки не одинаково изображают и самый факт вмешательства. Сейид Лукман говорит, что Беркэ сперва послал войско против византийцев, а потом отправился и сам с большим полчищем; осадил Константинополь, но оставил его, удовольствовавшись освобождением Изз-эд-Дина, которого он областал и дал ему в вотчинное владение Солхат и Судак, да отвел также места для поселения и туркам, перекочевавшим в пределы его империи под предводительством Сары-Салтыка⁹³. Другие же, а именно арабские, историки повествуют о том же событии иначе. Рукн-эд-Дин Бейбарс пишет, что Беркэ уже *перед смертью своей* снарядил войско для завоевания Стамбула (Константинополя); оно, вернувшись оттуда, увело с собой султана Изз-эд-Дина из крепости, в которой были заключены он и сыновья его с своими детьми⁹⁴. В том же духе рассказывает и Эльмуфаддаль – что войско, посланное Беркэ-ханом на Константинополь, произвело опустошения в окрестностях его; но потом, вследствие замирения, ушло оттуда, взяв с собой султана Изз-эд-Дина, который содержался в плену в одной из крепостей константинопольских⁹⁵. Турецкий историк Мюнедджим-баши, следуя вышеприведенному порядку событий, глухо замечает, что когда освобожденный Изз-эд-Дин приближался к Бакчэ-Сараю, Беркэ-хан уже умер, а сыновья его отнеслись к Изз-эд-Дину неласково, говоря, что его прибытие не к добру⁹⁶. Прочие же известные нам историки мусульманские приписывают факт освобождения Изз-эд-Дина и водворение его в Крыму не Беркэ-хану, а преемнику его Менгу-Темиру. У Эннувейри читаем: «В 668 = 1269–1270 г. Менгу-Темир отправил войско к Стамбулу... Побывав у Стамбула и возвращаясь, оно прошло мимо крепости, в которой находился в заточении султан Изз-эд-Дин Кейкаус, владетель Рума. Войско освободило его оттуда и привело к царю Менгу-Темиру, который принял с почетом и областал его»⁹⁷. Буквально то же самое говорят Эльмакризи⁹⁸ и Элайни⁹⁹. Особенно подробно рассказывается у последнего, не исключая и той частности, что войско Менгу-Темира подошло к Стамбулу в зимнее время, и что Менгу-Темир, встретив с почетом и устроив Изз-эд-Дина в Крыму, женил его на знатнейшей из женщин своих по имени Урбай-хатунь, на одной из дочерей Беркэ¹⁰⁰. В том же виде этот рассказ является и у историка XVII в. Мустафы Аль-Дженнаби¹⁰¹.

Ввиду такого согласия стольких источников относительно одного и того же факта, едва ли был прав профессор Лягус, признав вместе с Гаммером ошибочным известие Абульфеды о том, что увод Изз-эд-Дина из плена совершился не при Беркэ-хане, а при Менгу-Темире¹⁰².

Что же случилось потом в Крыму с семьей Изз-эд-Дина, и надолго ли она водворилась там?

По свидетельству Сейида Лукмана Изз-эд-Дин получил в удел Солхат и Судак; а прочим его спутникам туркам также было отведено место для жительства, но где именно, неизвестно¹⁰³. Затем он вкратце присовокупляет, что по смерти Изз-эд-Дина Беркэ-хан отослал сына его Масьуда на корабле в Синоп, откуда он отправился дальше, в Тебриз, на службу к

⁹² Pachymeres, I: 131.

⁹³ Op. cit., 11 и 13.

⁹⁴ Тизенгаузен, I: 103.

⁹⁵ Тизенгаузен., 191.

⁹⁶ Мюнедджим-баши, II: 572.

⁹⁷ Тизенгаузен, I: 133 и 153–154.

⁹⁸ Тизенгаузен: 434.

⁹⁹ Тизенгаузен: 511.

¹⁰⁰ Тизенгаузен: 511.

¹⁰¹ Рукоп. Учебн. Отд. при М-ве Иностр. Д. № 92, л. 195 г.

¹⁰² Op. cit., 34; Gesch. d. Gold. Horde, 180, 4.

¹⁰³ Op. cit 11 & 13.

великому ильхану, т. е. к Абака-хану Гулагидскому. Что сын Изз-эд-Дина Масъуд вернулся в Малую Азию, это верно; но что его вернул туда Беркэ-хан, это – анахронизм, который был еще замечен профессором Лягусом¹⁰⁴. Эльмакризи и Элайни совсем уже коротко замечают только, что в 677 = 1278–1279 г. умер у царя татарского Менгу-Темира в городе Сарае султан Изз-эд-Дин Кейкаус, сын Кейхосроу¹⁰⁵; а сын его Масъуд отправился и завладел землями румскими¹⁰⁶.

Более обстоятельные сведения по этому предмету находим у других историков. Так, Мюнедджим-баши рассказывает, что Изз-эд-Дин, прибывши, по освобождении из византийского заточения, в Крым, не застал в живых Беркэ-хана, а сыновья его отнесли к Изз-эд-Дину неласково, говоря, что его прибытие не благополучно, и не поместили его в Бакчэ-Сарае, а остановили в одном городе на берегу моря. Изз-эд-Дин провел там восемь лет при полном стеснении и неудобстве; терпел горе и страдал болезнью. Наконец в 678 = 1279 году тяжело захворал и дал своим сыновьям такое, достойное царей, наставление: «Я впал в это бедствие и злополучие, – сказал он, – оттого, что сближался и беседовал с глупцами, а пренебрегал людьми умными и дальновидными. Теперь после меня пойдите и живите в стране отцов и дедов ваших и слушайте слов доброжелателей». Как только он умер, сыновья его Гыяс-эд-Дин Масъуд и Рукн-эд-Дин Кеюмерс перебрались в страны румские; а затем пошли ко двору Абака-хана и там были приняты с почетом¹⁰⁷.

В этом правдоподобном по духу и согласном с хронологией рассказе турецкого историка мы все еще, однако, не видим других мотивов, заставивших детей Изз-эд-Дина покинуть свое новое отечество и вернуться на родину своих предков, кроме простого завещания отца их Изз-эд-Дина. Этот мотив раскрывается нам другими историками, и ближе всего мы его находим у Дженнаби, по словам которого Менгу-Темир ласково обошелся с Изз-эд-Дином, женил его у себя; Изз-эд-Дин оставался при нем до самой своей смерти, последовавшей в 677 = 1278–1279 году в городе Сарае. В 677 же году, по смерти Изз-эд-Дина Менгу-Темир вознамерился женить султана Масъуда на жене отца его Изз-эд-Дина. Тогда Масъуд бежал, достиг малоазийских пределов и был приведен к Абака-бен-Гулагу, который благосклонно отнесся к нему и дал ему Сивас, Эрзерум и Эрзенджан во владение¹⁰⁸.

Из этого прежде всего видно, что удаление сыновей Изз-эд-Дина из Крыма совершилось не только без содействия татарского хана, кто бы он ни был – Беркэ ли, как ошибочно говорит Сейид Лукман, или Менгу-Тимур, при котором действительно все это происходило, – а было следствием неприятных для них обстоятельств, а именно принуждения Менгу-Темиром Масъуда к кровосмесному браку с своей мачехой.

Можно бы было усомниться в справедливости этого последнего мотива, если бы он не подтверждался другими историческими свидетельствами. Вот что читаем у Рукн-эд-Дина Бейбарса. «Он (Изз-эд-Дин Кейкаус) оставался у них (татар) до тех пор, пока не приключилась смерть его в этом году (677 = 25 мая 1278—13 мая 1279 года). Когда он умер, то Менгу-Темир старался женить сына его, султана Масъуда, на жене отца его, Урбай-хатуни, но Масъуд отверг это неслыханное предложение, возмущаясь его безобразием, безнравственностью и уклонением от пути законности, и ему не было другого спасения от нее, как бегство от нее. Он (действительно) и бежал оттуда в сопровождении двух сыновей своих, из которых одного звали Меликом, а другого Кара-Мюрадом»¹⁰⁹.

¹⁰⁴ Op. cit., 35.

¹⁰⁵ Тизенгаузен, 512.

¹⁰⁶ Тизенгаузен, 434.

¹⁰⁷ Мюнедджим-баши, II: 572.

¹⁰⁸ Рукоп. Учеб. Отд. № 92, л. 195 г. & v.

¹⁰⁹ Тизенгаузен, 81 & 103.

Такой противонравственный поступок Менгу-Темира, возмущивший даже прюдность (показную добродетель. – *Примеч. ред.*) мусульманского историка, оказывается, вовсе не был исключительным явлением у татарских ханов. Про Узбек-хана узнаем, что он женился на Баялунь-хатун, жене отца своего¹¹⁰. По этому поводу арабские историки прибавляют, что будто бы находившийся при Узбеке один ученый дал ему фетву в том смысле, что так как отец Узбека был неверный (по Ибн-Хальдуну – огнепоклонник), то брак его с этой женщиной был преступный¹¹¹.

Такое кровосмешение практиковалось в Золотой Орде не из простой безнравственной прихоти, а из политических расчетов: Баялунь-хатун в ссоре с своим пасынком-мужем бранила его и упрекала за то, что она добыла ему царство, давала ему деньги, коней, одежды для тех, кто требовал всего этого, и таким образом улаживала дела его, а он, неблагодарный, отставил ее брата Бай-Демира от управления городом Ургенджем и Хорезмской областью¹¹². Причина раздора между супругами могла быть и другая, ибо Баялунь-хатун, по свидетельству Ибн-Батуты, была дочерью византийского императора¹¹³; но самый факт раздора и характер упреков Баялунь-хатун указывает на важное значение брачных союзов, какое придавалось вообще тогдашними владетельными домами в международной политике, не исключая и ханов золотоордынских; особенно если принять во внимание то нешуточное влияние, какое оказывали в делах управления Орды высокопоставленные дамы, судя по многочисленным фактам этого влияния, которые приводятся у историков¹¹⁴. Посредством родственных связей поддерживались у золотоордынских ханов дружелюбные отношения даже с такими отдаленными странами, как Египет¹¹⁵. Эльмелик Эзахыр, египетский султан, восстанавливая омусульманившегося Беркэ-хана против Гулагу, в числе главных мотивов необходимости воевать против него выставляет тот, что Гулагу ради своей жены христианки будто бы установил у себя религию креста и предпочел религии, исповедуемой Беркэ-ханом, веру жены своей¹¹⁶. Другой египетский султан, Эльмелик Эннасыр, сватая одну из княжен Чингисханова рода, по имени Тулун-бия, прямо выразился послу Узбек-хана, Баян-Джару, насчет цели своего сватовства: «Мы не желаем красоты, а хотим только знатности происхождения и близкого родства с братом моим (т. е. Узбеком), да будем мы и он единым существом»¹¹⁷.

Ханы Золотой Орды подобными же политическими браками хотели, кажется, упрочить свое влияние и в Малой Азии, в особенности ввиду того соперничества и раздоров, какие происходили в их собственном роде. Беркэ-хан, мы видели, тоже был женат на дочери Алаэд-Дина, султана иконийского¹¹⁸. На этом основании можно полагать, что намерение Менгу-Темира женить Гыяс-эд-Дина-Масьуда, сына Изз-эд-Дина, на вдове последнего, также происходило из стремления его прочнее связать интересы малоазийских владетельных выходцев с своими собственными и обуславливалось наследственной враждой с домом Гулагу, которая продолжалась и по смерти Беркэ-хана. По тем же побуждениям, вероятно, и Абака-хан принял такое участие в искавшем его покровительстве Масьуде, когда он бежал от Менгу-Темира. После того, однако же, не прекратились дальнейшие отношения между Крымом и Малой Азией. Мы далее читаем у Дженнаби, что в 681 = 1282 году татарский царь Аргун-бен-Абака умертвил румского султана Гыяс-эд-Дина-Кейхосров-бен-Кылыдж-Арслан-бен-Кейхо-

¹¹⁰ Тизенгаузен, I: 385.

¹¹¹ Тизенгаузен, 516.

¹¹² Тизенгаузен, 516.

¹¹³ Тизенгаузен, 516... 301–302.

¹¹⁴ Тизенгаузен, 107–109, 117, 150, 156, 157, 168, 229, 263, 269. Григорьев. *Россия и Азия*. СПб., 1876. 214–220.

¹¹⁵ Тизенгаузен, I: 251, 277, 327, 345, 385.

¹¹⁶ Тизенгаузен, 55.

¹¹⁷ Тизенгаузен, 439.

¹¹⁸ Выше стр. 20.

сров-бен-Кейкобада (т. е. сына Рукн-эд-Дина, двоюродного брата Масъудова) за то, что он питал склонность к стороне владетеля Крыма, ибо между Аргуном и владетелем Крыма была сильнейшая вражда, и звание султана румского перешло к Гыяс-эд-Дин-Масъуд-бен-Изз-эд-Дин-Кейкаус-бен-Кейхосров-бен-Кейкобаду¹¹⁹. Тут не ясно только одно – почему прежний приверженец гулагидского дома Гыяс-эд-Дин, сын Рукн-эд-Дина, вдруг стал склоняться на сторону Крымского владетеля: разве, может быть, за безвинное умерщвление отца своего, оклеветанного в мятежнических замыслах¹²⁰.

Поэтому известие в безымянной биографии Гулагу, что в числе подарков, посланных из Египта к Менгу-Темиру, была также часть и для султана Гыяс-эд-Дина, сына султана Изз-эд-Дина, причем посольство не застало в живых Менгу-Темира¹²¹, надобно считать анахронизмом со стороны автора биографии, или же допустить, что в Египте не знали еще о побеге Масъуда из Крыма, когда отправляли на его долю подарки с посольством к Менгу-Темиру¹²².

Но если такова была судьба Изз-эд-Дина и его сыновей, то куда же девалась та большая толпа его малоазиатских соотечественников, которая эмигрировала за ним из Добруджи?

Ближе всего, конечно, предполагать, что эти пришельцы осели в тех местностях, которые пожалованы были в удел Изз-эд-Дину. А таким уделом был, по общему голосу историков, Судак. Значит, возможно, что и сельджукская орда потянулась туда же, в морскому побережью, как думает и г. Брун¹²³. Но всё, что мы имеем из следов тогдашнего водворения сельджуков в Крыму – это некоторые предания о Сары-Салтыке и упоминание о городе его имени. Арабский путешественник говорит про город Судак, что «его населяют турки и, под их покровительством, несколько византийцев»¹²⁴. Сопутствуя Баялунь-хатуни, ехавшей в Константинополь на свидание с отцом, Ибн-Батута из Судака прибыл к городу, известному под именем Баба Салтук. «Баба, – пишет он, – имеет у них такое же значение, как у Берберов (т. е. отец); они только резче произносят (букву) *б*. *Салтук* – (пишется) через *сал*, *ту* и *к* – был, говорят, прорицатель, но про него рассказывают (такие) вещи, которые закон запрещает»¹²⁵.

Вероятно, Ибн-Батута разумеет легенды об умерщвлении Сары-Салтыком какого-то дракона в Добрудже и спасении от смерти царских дочерей; о состязании его с христианским монахом посредством ордалии (Божьего суда. – *Примеч. ред.*) в виде кипящего котла и о почитании мощей его в семи различных местностях, и между прочим в Московии под именем св. Николы, – легенды, которые подробно рассказаны в записках турецкого путешественника XVII в. Эвлия-челеби и сокращенно повторены у г. Бруна¹²⁶. Но беда в том, что эти легенды слышаны путешественником от дервишей ордена бекташи в монастыре, находящемся на мысе Кильгре близ Варны и относятся к развалинам замка Кильгры. Из семи могил, в которых оказались мощи Сары-Салтыка, три находятся, по словам того же Эвлия-челеби, во владениях Оттоманских; одна из них в Бабадаге под именем «Баба-Султан», другая в Баба-Эскиси под именем «Сары-Салтык Султан», а третья под именем «Кильгра Султан»¹²⁷. На этом основании город Баба Салтук, упоминаемый Ибн-Батутой, г. Гаммер предполагает также в Добрудже, в одном из вышеозначенных мест нахождения мнимых могил сельджукского святого¹²⁸, с чем,

¹¹⁹ Дженнаби, л. 195 v.

¹²⁰ Мюнедджим-баши, II: 572.

¹²¹ Тизенгаузен, 67–68.

¹²² Тизенгаузен., 104, 155, 361.

¹²³ Черноморье, II: 142.

¹²⁴ Тизенгаузен, I: 303.

¹²⁵ Тизенгаузен, I: 303.

¹²⁶ Narrative of travels, by Evliya efendi, translat. by Hammer. London, 1850. II: 70–72; Брун, Черноморье, II: 342–343.

¹²⁷ Narrative, II: 72.

¹²⁸ Gesch. d. Gold. Horde, 177.

однако же, г. Брун не согласен¹²⁹. Уже многочисленность географических пунктов, к которым легенда приурочивает могилу Сары-Салтыка, делает подозрительную достоверность взаимной исторической связи их, тем более, что слово *баба* «отец» не есть собственное имя, а эпитет, который обыкновенно прилагается к именам очень многих мусульманских святых, или *азизов*: Коюн-баба, Кемаль-баба, Гюль-баба, и др. Но и г. Брун, оспаривающий конъектуру (предположение, догадку. – *Примеч. ред.*) Гаммера, даже приблизительно не указывает местности, где бы мог находиться загадочный город. Ничего нет удивительного в том, что тюркская эмиграция из Малой Азии под предводительством Сары Салтыка могла наделать много шума в Добрудже и оставить память о себе в легендах, связанных с именем предводителя и приуроченных в позднейшее время к вышеозначенным пунктам.

Что более всего связывает личность Сары-Салтыка с Крымом – это одно обстоятельство, которое, вероятно, и шокировало благочестивое чувство арабского путешественника Ибн-Батуты, заметившего, что про Салтыка рассказывают такие вещи, *которые возбраняются законом*. Эвлия-эфенди, перечисляя разные профессиональные корпорации, говорит под № 729 о делателях и продавцах бузы (буза – пиво или брага. – *Примеч. ред.*) которые считают своим патроном также Сары-Салтыка. Находя изобретение такого напитка, как буза, несовместным со святостью личности Сары-Салтыка, Эвлия рассказывает известную и повторенную им после еще раз легенду о нем; настоящим же изобретателем бузы он называет какого-то татарина Салсала, который был убит стрелой в Аккермане Малек-Уштуром; этот последний, огорченный смертью Салсала, умер в Крыму в Эски-Юрте и погребен в Ени-Салачике¹³⁰. В другом месте Эвлия-челеби называет Мелек-Уштура патроном чаушей и сообщает весьма любопытную заметку насчет его могилы. «Когда я, бедный Эвлия, – читаем мы, – в 1076 = 1665 году был в службе Мухаммед-Герая, хана Крымского, то он задумал выстроить монумент в Эски-Юрте, где могилы всех Крымских ханов. Во время копания земли для фундамента была найдена мраморная квадратная доска с надписью на джагатайском языке¹³¹, указывавшей, что это была могила Малек-Уштура, сподвижника пророка, убитого стрелой Салсала в 300 году¹³². Согласно вычислению ученых улемов прошло 770 лет со смерти его. Мухаммед-Герай, найдя эту могилу, оставил мысль устроить усыпальницу для себя, а воздвиг купол над ней с надписью длинными буквами и основал монастырь с тюרבэ-дарем, или бюлустителем монумента при нем»¹³³.

Кроме того, Эвлия-челеби еще раз вспоминает о Сары-Салтыке по поводу сна, виденного им в бытность его в Ангоре, когда ему явился этот святой и сказал, что он покоится в этом же городе под именем Эр-Султана¹³⁴.

Сколь ни смутны все вышеприведенные предания о личности Сары-Салтыка, смешиваемой с другими, в роде Малек-Уштура, но из сопоставления их с историческими данными все же можно вывести то заключение, что личность эта, представляя смесь исторических черт с мифическими, по месту происхождения и, действительных или мнимых, подвигов своих является как бы олицетворением той исконной связи тюрков Малой Азии с крымскими, которая всего более оставила памяти о большой эмиграции малоазийских сельджуков в Крым в конце XIII века. Другого объяснения пока нельзя дать этим преданиям.

¹²⁹ Черноморье, II: 142.

¹³⁰ Narrative of travels, vol. I, part. II: 245.

¹³¹ У Гаммера в переводе записок Эвлия-эфенди, вероятно, ошибочно сказано: «In the Chagalaian language».

¹³² Выше, мы видели, сказано было у Эвлия-челеби, что Малек-Уштур убил Салсала. Такое противоречие могло явиться по вине переводчика, г. Гаммера. Текст же доселе составляет библиографическую редкость и нигде в европейских каталогах не объявляется, не исключая кодекса, которым пользовался г. Гаммер.

¹³³ Narrative, loc. cit. 105.

¹³⁴ Op. cit, vol. II: 232–233.

Но кроме таких легендарных преданий есть и другие, более положительные, указания на то, что Крымское южное побережье давно было занято поселенцами тюркского племени, но только не собственно так называемыми татарами, которые предпочитали гнездиться в глубине полуострова, оставляя побережье в пользу родственных пришельцев и христианских поселенцев. Так оно было, по крайней мере, с главными прибрежными пунктами, с Судаком и Кафой.

Простерши однажды свою завоевательную руку к приморским окраинам, татары и по удалении своем не упускали их из вида, а время от времени напоминали о своей власти в этих окраинах, без церемонии распоряжаясь в них и не обращая внимания на не прекращавшиеся владетельные притязания византийских императоров на Крымское «Заморье»¹³⁵.

Произведя первый погром Судака в 1223 году, татары не замедлили повторить его в 1239 году. На этот раз южнобережцы только десять лет спустя праздновали свое освобождение от иноверного ига¹³⁶. Это освобождение надо понимать, кажется, в смысле лишь удаления массы нахлынувших татар, а не окончательного превращения всяких властных отношений завоевателей в приморской окраине Крыма, о чем они и не помышляли вовсе. После этого нашествия татары еще не один раз производили свои опустошительные вторжения, и притом, как кажется, не то чтобы каждый раз для водворения вновь своего господства, а с целью поддержания своего прежнего престижа, который пытались было игнорировать местные правители.

В конце XIII в. в царствование хана Тула-Буги выдвинулся эмир Ногай, благодаря жене Менгу-Темира Джиджек-хатун, которую он потом, в разгаре самоуправства, велел задушить в угоду своим сторонникам эмирам¹³⁷. Этот полководец настолько был влиятелен, что даже византийский император заискивал его расположения посредством женитьбы его на своей побочной дочери Эвфросинии¹³⁸. Уйдя хана Тула-Бугу и разбив в сражении его преемника хана Токту, Ногай овладел его областями в 698 = 1298–1299 году и послал внука своего Актаджи в земли крымские собрать подати, наложенные на жителей его. Тот пришел в Кафу, в город, принадлежавший генуэзским франкам, и потребовал от ее жителей денег. Они угостили его, поднесли ему кое-что из еды и вино. Когда же он охмелел от напитка, они напали на него и убили. По получении известия об умерщвлении его Ногай отправил в Крым большое войско. Оно ограбило Кафу и сожгло ее; перебило множество крымцев и взяло в плен находившихся там купцов мусульманских, алланских и франкских¹³⁹. Та же участь постигла и Судака. Ногай, прежде чем подверг город разгрому, приказал выйти из него приверженцам своим, которые составляли целую треть всего населения; а затем остальных ограбил и предал истреблению. Причиной этого погрома было то, что пошлины и другие доходы с Судака делились между четырьмя, так названными у арабского историка, татарскими царями, один из коих был Токтай, и те, которые были соправителями его, обижали наместников его при дележе приходившихся на его долю доходов¹⁴⁰. Арабский историк, описывающий этот погром Судака со слов купцов, очевидцев происшествия, смешивает тут Ногаю с Тохтой¹⁴¹. Это смешение легко могло произойти вследствие того, что хотя разгром был произведен Ногаем, но не от своего лица, а во имя Тохтай-хана, до столкновения между ними самими, о котором тот же историк рассказывает дальше; тем более что в приписки к приведенному рассказу об одновременном

¹³⁵ Брун, Черноморье, II:134.

¹³⁶ Зап. Одес. Общ., V: 611, № 104.

¹³⁷ Тизенгаузен, I: 109, 156, 381 и др.

¹³⁸ Pachymer. Bonnae 1835. I: 344 и 180; II: 263–265. У Гампера (Geseh. d. Gold. H., 277) она однажды названа почему-то Ириною, хотя Эвфросиния есть сама по себе (Ibid., 253 и 258).

¹³⁹ Тизенгаузен, I: 111–112.

¹⁴⁰ Тизенгаузен, 195.

¹⁴¹ Как на беду, и в известной приписке к Синаксарю (Зап. Од. Общ., V: 596, № 5) также стоит неясное начертание, которое все-таки больше походит на *Ногай*, нежели на *Тохтай*.

разгроме Кафы сказано, что Тохтай подарил Крым Ногаю¹⁴², а он и отправился туда осуществлять свои владетельные права посредством сбора дани с таких богатых местностей, как Кафа и Судак.

В скором времени, а именно в 707 = 1307–1308 г., Кафа потерпела новое бедствие от войск Тохты-хана, присланных туда для наказания генуэзских франков за продажу ими татарских детей в неволю и за разные другие вещи¹⁴³. На этот раз расправа с франками была повсеместная во владениях ханских – в Крыму, Кафе и в Северных областях, как говорят историки. Из Кафы франки спасались бегством на кораблях. Относительно Судака арабский историк Эльмуфаддаль замечает только, что он в эту пору входил в черту владений Тохты-хана¹⁴⁴.

Если Ногай, или Тохта, подступив с своим полчищем в 1299 году к Судак, нашел в нем приверженцев, то естественнее всего такими должны были оказаться их соплеменники, и притом мусульмане по вере, а не христиане других рас: последним мудрено было торжествовать освобождение от иноверного ига и в то же время являться сторонниками тех, кто налагал это самое иго. Если же таких сторонников оказалась целая треть населения города, то едва ли это количество могло состояться из татар, случайно в разное время отставших от приходивших туда прежде татарских полчищ. Это скорее и были те именно турки, которые водворены были в той местности Менгу-Темиром, когда они явились в нему искать себе нового отечества вслед за Изз-эд-Дином и Баба-Салтыком, и хотя еще не успели слиться с тамошними христианскими жителями, но не были вполне солидарны и с татарами, приходившими туда в качестве врагов и поработителей. Конечно, в числе сочувственников татарам могли быть также отчасти и кипчаки, или половцы, которые еще ранее добровольно водворились в Судак, или загнаны были туда первым татарским нашествием. Арабский историк Эломари обращает внимание на ассимилирующую силу кипчакской породы и говорит, что татары, смешавшись с кипчаками, сами стали точно кипчаки, как будто они одного с ними племени, а затем присовокупляет следующее соображение: «Таким образом долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменяет прирожденные черты согласно ее природе»¹⁴⁵. Но что арабский историк-философ констатирует касательно кипчаков по отношению их к татарам, то не совсем применимо к тем из них, которые поселились в Судак: совместное жителство с христианским европейским населением этого города в непродолжительный срок самих их преобразило, подчинив культурному влиянию этого населения. Наглядным доказательством такого подчинения служит тот факт, что в известных синодиковых приписках к греческому Синаксарю¹⁴⁶ мы находим в числе упомянутых там разных покойников очень много имен тюркских и притом с такими эпитетами, которые указывают на то, что они были не простые миряне, а принадлежали даже к церковному клиру, каковы, например, иеромонах Султан¹⁴⁷, монах Алачи¹⁴⁸, попадья Сююнчук, жена попа Антипы эконома¹⁴⁹; или же к местной знати, как, например, Алачук, дочь севаста¹⁵⁰, Барак, дочь севаста Пула и жена Аба¹⁵¹, Токтемир, сын севаста Стефана¹⁵². Что это не были исключительные личности, обратившиеся в христианство, это явствует из родословий, означаемых при весьма многих покойниках, как

¹⁴² Тизенгаузен., 111–112.

¹⁴³ Тизенгаузен, I: 120 и 162.

¹⁴⁴ Тизенгаузен., 197.

¹⁴⁵ Тизенгаузен, Сборник, I: 235.

¹⁴⁶ Зап. Од. О. И. и Др., V: 598–628.

¹⁴⁷ Зап. Од. О. И. и Др., V: стр. 596, № 6.

¹⁴⁸ Зап. Од. О. И. и Др., V: 615, № 136.

¹⁴⁹ Зап. Од. О. И. и Др., V: 602, № 38.

¹⁵⁰ Зап. Од. О. И. и Др., V: 603, № 48.

¹⁵¹ Зап. Од. О. И. и Др., V: 607, № 78.

¹⁵² Зап. Од. О. И. и Др., V: 623, № 193.

например: «Сатирик, сын Чипаки и внук Секке по отцу, по матери же внук Топчи»¹⁵³, или: «Чимен, сын Ямгурчи, родственник Оракчи»¹⁵⁴. Немало встречается и предков с тюркскими именами, тогда как их дети являются с именами христианскими, как например: Антоний, сын Кылыджа¹⁵⁵, Петр, сын Кутлубея¹⁵⁶, Фотий, сын Гази¹⁵⁷, Анастасий, сын Сункура¹⁵⁸, Пантелеймон, внук Яхьи¹⁵⁹ и др. Замечательнее то, что тюркские имена носят еще лица второго поколения, хотя предки их называются уже именами христианскими, как например: Токтемир, сын Стефана¹⁶⁰, Меликэ, дочь попа Антония¹⁶¹, Совкур, сын Мавария¹⁶², Икугач, дочь Димитрия Чогака¹⁶³ и т. п. Такие же обозначения, находимые в Синаксаре, как «Иоанн *татарин*, христианин»¹⁶⁴, или «Параскева, *татарка*, христианка»¹⁶⁵, прямо показывают, что эти субъекты принадлежали к национальности проявившихся тогда собственно татар, тогда как прочие лица с тюркскими именами настолько стали своими прочему христианскому населению Судака, что многие из них сами были глубокими христианами: носили духовный сан и пользовались почетом у обывателей, так что автор приписок в Синаксарю не скандализировался их бусурманскими именами, всех одинаково чествуя эпитетом «раб Божий»¹⁶⁶. Мало того: в одной заметке читаем: «...ай, Салих и Сункур... и прочие все убиты татарами»¹⁶⁷. Издатель этих заметок, почтенный отец архимандрит Антоний напрасно оговаривается, что будто тут «чтение собственных имен подлежит сомнению»: напротив, в этих именах менее чем в каких других сомнительного. Имена этих жертв татарского насилия, как Сункур и то стертое, которое оканчивалось на *ай* (в роде Тудай, Турунтай), чисто тюркские; имя же «Салих» мусульманское, и люди, носившие эти имена, отличаются тут от татар, которым они не были своими, ибо убиты ими зауряд с прочими их противниками в 1278 году.

Нашествие Ногай не было последним бедствием для Судака: татары и потом не переставали самым чувствительным образом напоминать южно-крымскому побережью о своем могуществе и правах власти над этими местностями. В царствование Узбек-хана (1313–1341) Судак опять пострадал от нашествия татарских полчищ под начальством двух предводителей, Толак-Темира и Кара-Булата, в августе 1322 года¹⁶⁸. Последний носит в приписке Синаксаря, сообщающей известие об этом погроме, греческий титул *αλοκρητοίτης*, который г. Брун передает словом «легат»¹⁶⁹. Толак-Темир же и после продолжал быть бичом обитателей Судака. В 1327 году имя этого мириарха, т. е. десятитысячника, упоминается в Синаксаре вместе с неким Агадж-башли-беком, который разорил судакскую крепость и тамошние церкви¹⁷⁰. Смысл не вполне сохранившейся приписки № 103 таков, что «древоголовый (перевод татар-

¹⁵³ Зап. Од. О. И. и Др., V: 614, № 122.

¹⁵⁴ Зап. Од. О. И. и Др., V: 619, 165.

¹⁵⁵ Зап. Од. О. И. и Др., V: 602, № 39.

¹⁵⁶ Зап. Од. О. И. и Др., V: 610, № 96.

¹⁵⁷ Зап. Од. О. И. и Др., V: 612, № 109.

¹⁵⁸ Зап. Од. О. И. и Др., V: 622, № 186.

¹⁵⁹ Зап. Од. О. И. и Др., V: 622, № 189.

¹⁶⁰ Зап. Од. О. И. и Др., V: 596, № 2.

¹⁶¹ Зап. Од. О. И. и Др., V: 604, № 58.

¹⁶² Зап. Од. О. И. и Др., V: 606, № 67.

¹⁶³ Зап. Од. О. И. и Др., V: 614, № 129.

¹⁶⁴ Зап. Од. О. И. и Др., V: 606, № 68.

¹⁶⁵ Зап. Од. О. И. и Др., V: 608, № 82.

¹⁶⁶ Опыт этимологического объяснения некоторых имен тюркского происхождения сделан почтеннейшим В. Н. Юрчевичем в Зап. Од. Обществе, т. VIII, стр. 5–6.

¹⁶⁷ Loo. cit., 614, № 126.

¹⁶⁸ Зап. Од. Об. V: 621, № 181.

¹⁶⁹ Черноморье, II: 143.

¹⁷⁰ Loc. cit. 611, № 103.

ского имени) сквернавец» был только исполнителем воли Толак-Темира, на главноначальствование которого намекает слово в приписке¹⁷¹. Еще раз чем-то недобрым поминается Толак-Темир под 1338 годом¹⁷². Факт этих бедствий Судака подтверждается и арабским путешественником Ибн-Батуттой, посетившим в эту самую пору Крым¹⁷³, и миритарх Толак-Темир, без сомнения, тот же самый эмир, который назван у Ибн-Батуты Тулу-Тимуром, и о котором он неоднократно вспоминает по поводу внимания и любезностей, оказанных ему этим областным начальником и наместником Узбек-хана¹⁷⁴.

Мы уже сказали, что нашествия татар на Кафу и Судак не имели вида случайных набегов, а делались ими с целью поддержания своего престижа, который они считали, надо полагать, неоспоримым, и всякий раз являлись туда напоминать об этом престиже по каким-нибудь специальным поводам, вроде того, который вызвал на опустошительную расправу с Судаком Ногай¹⁷⁵. Правда, что ловкие европейские негодянты не упускали благоприятных моментов для собственного усиления насчет татарского господства в Крыму и, пользуясь внутренними несогласиями в Золотой Орде, посредством договоров с татарскими временщиками, гарантировали себе свободу действий на правах хозяев до первого случая, когда какой-нибудь новый временщик, игнорируя и не считая для себя обязательными договоры неверных с его предшественниками, без церемонии чинил опустошения в тех местностях, на которые они изъявляли претензии как на свои владения. Такие шаткие с юридическо-международной точки зрения отношения южно-бережских европейских поселенцев к материковым татарским властям до известной степени выяснены исследованиями В. Н. Юргевича и Ф. К. Бруна, на основании имевшихся в их распоряжении европейских источников¹⁷⁶. Эти отношения продолжались в раз установившемся виде с незначительными изменениями вплоть до вторжения в Крым турков-османлы, которые завели там свои уже порядки. Нам остается, не входя в подробности, лишь резюмировать главные признаки этих отношений, которые сводятся к следующему. Как торговый народ, генуэзцы больше всего отделялись, конечно, от татарской назойливости деньгами, платя татарам разные ввозные и вывозные пошлины, для сбора которых в их главных колониях, как Кафа и Судак, сидели татарские чиновники. Не будучи истинными рыцарями, коммерческие колонисты не особенно дорожили своей политической честью, а потому беспрепятственно допускали пребывание в их городах татарских приставов, которые на правах экстерриториальных ведали делами проживавших в этих городах и их окрестностях ханских подданных. Такого права тщетно, например, добивался в свое время султан Баязид I от византийского императора Иоанна Палеолога I¹⁷⁷. Мало того: генуэзцы покорно приняли ханскую тамгу (особый знак, клеймо, тавро. – *Примеч. пер.*) в качестве герба своего главного города Кафы, изображая ее как в надписях городских сооружений, так и на монетах своих¹⁷⁸.

Но, спрашивается, кто же был в Крыму носителем татарской власти; с кем южно-бережские европейские колонисты входили в непосредственное соприкосновение; в ком сосредоточивалась верховная власть, во имя которой уполномоченные ею люди предъявляли те или другие требования или, напротив, делали такие или сякие уступки поселенцам, и где эта власть имела свое пребывание?

В наиболее отдаленную эпоху южно-бережцы имели дело с татарскими приставниками, имевшими известные полномочия прямо от ханов Золотой Орды, считавшихся влады-

¹⁷¹ Loc. cit. 611, № 103.

¹⁷² Loc. cit. 597, № 11.

¹⁷³ Тизенгаузен, I: 303.

¹⁷⁴ Ibid., 280–285.

¹⁷⁵ См. выше стр. 32.

¹⁷⁶ Зап. Од. Общ. Ист. и Др., V: 816 и д.; VIII: 149–153; Черноморье, I: 223–235; II: 144–155.

¹⁷⁷ Zinksisen. I: 280.

¹⁷⁸ Зап. Од. Общ. VIII: 150–153.

ками Крымского полуострова. Подобный приставник в царствование Беркэ-хана находился в Судак. Арабские историки дают ему титул правителя, губернатора¹⁷⁹, а по имени называют его *Табук*, или *Таюк*¹⁸⁰. Он встретил там и проводил до Крыма послов египетского султана Бейбарса, ехавших к Беркэ с политическо-миссионерскими поручениями в 1263 году. Имел ли этот правитель постоянное свое пребывание в Судак, нельзя сказать наверное на основании вышеприведенных свидетельств арабских историков, которые как-то двусмысленно говорят, что в Судак послов встретил правитель этого края в местечке Крым¹⁸¹. Но факт встречи послов на самом берегу указывает на то, что татарский воевода считал себя хозяином территории, на которую вступало египетское посольство, высадившееся в Судак, хотя резиденцией его мог быть город Крым, отстоявший всего на один день пути от морского берега¹⁸².

Роль этого ханского чиновника была, можно полагать, та самая, какую позднее, во время вторжения османов в Крым, играл Эминек-бей, сидевший в Кафе и принимавший деятельное участие в утверждении ханской власти в Крыму за родом Гераев. Европейские письменные памятники позднейшего времени, впрочем, титулуют этого ханского уполномоченного *Io Titano* и *Titanus seu Vicarius Canlucorum*: так, по крайней мере, он назван в договоре 1380 года кафинского консула с татарами¹⁸³ и в уставе Генуэзских колоний в Газарии 1449 года¹⁸⁴. Г. Брун пробовал производить это слово от готского *thiudans* = *rex, dominator*, но потом отказался от этого толкования в пользу другого, которое и считается теперь общепринятым¹⁸⁵. Это последнее основывается на производстве слова *Titanus* от одного корня с турецким глаголом «держатъ», в смысле «наместник»¹⁸⁶. В объяснение значения слова *Titanus*, его считают видоизменением другого подобного, встречающегося у латинских анналистов и византийских писателей. Первые упоминают об аварских наместниках в конце VIII и начале IX века под именем *Tudun* или *Thodanus*, или даже *Tuttundo*¹⁸⁷. Византийцы говорят о важном сановнике у хазар, которого они именуют то *Τουδουνοϋς*, то *Τουνδουνοϋς*, переводя его греческим словом, согласно с тем, как латинские анналисты толкуют значение аварского *Tudun* – *regulus quidam*. Почтенный академик А. А. Куник, обративший внимание на хазарского «тудуна» и собравший вышеприведенные справки об этом загадочном лице¹⁸⁸, из двух этимологических производств слова *тудун* – непосредственно от тюркского языка или от чувашского, по-видимому, склонен отдать преимущество последнему. В чувашском есть глагол *тыт* = *tene*, прошедшее причастие которого *тыдаган* имеет сокращенный вид *тыдан* – «держатый, державец, *le teneur*, то же что *occupator, l'occupant*». Г. Золотницкий самым решительным образом утверждает, что «этот же *тыдан* встречается в древних хазарских грамотах (?) в отношении каанов в смысле: владетель, самодержец»¹⁸⁹. Вот эта-то форма и принимается за первообраз вышеприведенного имени аварского вельможи *Tudun* и хазарского¹⁹⁰, и в ее-то пользу г. Брун отступился от своего прежнего толкования.

Но если трудно возразить что-либо против отождествления имени *Titanus* с аварско-хазарским тудуном, то нельзя того же самого сказать относительно этимологических объяснений

¹⁷⁹ Тизенгаузен. Сборник, I: 54 и 63; 180 и 192.

¹⁸⁰ Тизенгаузен. Сборник, I: 192 и Quatremere Hist, des sultans Mamlouks de l'Egypte. Paris. 1837. I: 214.

¹⁸¹ Тизенгаузен, I: 54.

¹⁸² Тизенгаузен, I: 54.

¹⁸³ Notices et Extraits des mes. XI: 55.

¹⁸⁴ Зап. Од. Общ. Ист. и Древе. V: 763.

¹⁸⁵ Черноморье, II: 213–213.

¹⁸⁶ Зап. Акад. Наук, XXIV: 134; Зап. Од. Общ. V: 830–831.

¹⁸⁷ См. например Pertz, I: 180, 182, 199 и 302.

¹⁸⁸ Зап. Акад. Н., Loc. cit.

¹⁸⁹ Корневой чувашско-русский словарь. Казань, 1875. Стр. 179, пр. 18.

¹⁹⁰ Зап. Ак. Н., Loc. cit.

этого термина, которые принимаются учеными, по-видимому, за совершенно удовлетворительный. Невольно при этом возникают следующие сомнения.

Если слово *тудун* ближе стоит к чувашскому *тыдан*, то, чтобы получить искомый исторический вывод относительно тождества с ними генуэзского *lo Titano* или *Titanus*, необходимо доказать, что чувашское племя когда-то играло какую-то политическую роль и дало между прочим бытие спорному термину; или по крайней мере доказать, что язык хазар, имевших тудунов, всего сроднее был с нынешним чувашским. Еще слабее доводы в пользу этимологического сродства слова *Lo Titano* или *Titanus* с словом *тудун* чрез посредство тюркского глагола «держать».

Но помимо, действительно ли существовавших или мнимых, *тудунов*, иначе – титанов в Крыму, были и несомненные представители татарского владычества в том крае, только известные в истории уже под другими наименованиями, которые своей там правительственной деятельностью постепенно подготовили почву для возникновения там самостоятельного, независимого от Золотой Орды, государственного центра и создали на полуострове порядок вещей, какой царил там в пору образования ханства под властью династии Гераев. Дальше мы постараемся установить последовательную преемственность представителей татарской власти в Крыму, по крайней мере тех из них, о которых сохранились какие-либо сведения в исторических памятниках.

Самым ранним формально признанным властителем в Крыму обыкновенно считается Оран-Тимур, сын Токай-Тимура, младшего брата Бату, получивший эту область в удел от Менгу-Темира¹⁹¹. Абуль-Гази, от которого идет это известие, ничего больше не сообщает относительно судьбы этого подручника Менгу-Темирова, ибо в родословной крымских владельцев он ставит потом Уз-Тимура – которого так же, как Оран-Тимура, называет сыном Токай-Тимура¹⁹². Насколько достоверными можно считать эти сведения Абуль-Гази, об этом можно всего лучше судить по следующему его собственному признанию, которое он делает в заключение вышеприведенной родословной: «Ныне за дальностью местности не знаем наверное, потомки которого из сыновей Хаджи-Герая царствуют в Крыму»¹⁹³. Бели Абуль-Гази не знал общеизвестного в его время факта владычества в Крыму потомков Менглы-Герая, вследствие дальности расстояния их владений от места жительства историка, то отдаленность времени едва ли могла быть меньшей ему помехой для точного знания преемственной последовательности прежних властителей Крыма.

Но сколь широки были полномочия Оран-Тимура, и в чем проявлял он их, ничего мы об этом не знаем. Держалось одно время мнение, что при нем и с его согласия впервые основано было поселение генуэзцев в Кафе в 1266 году¹⁹⁴, да и то теперь оно отвергнуто изысканиями Гейда, доказавшего, что означенные поселения возникли раньше того времени¹⁹⁵. Других же следов властвования Оран-Тимура в Крыму не имеется. По прибытии в Крым малоазийских турков-эмигрантов в 1269 году, главе их, бывшему султану иконийскому Изз-эд-Дину, мы видели, был пожалован во владение, между прочим, и Солхат¹⁹⁶, главное средоточие татарской власти в Крыму, но ни о каком другом там правителе, с которым бы Изз-эд-Дину пришлось совместничать во власти, в наших источниках ничего не говорится. Разве только косвенно можно предполагать о таком совместничестве, именно на основании того, что Изз-эд-Дин был недоволен своим положением в новом отечестве, так что даже своим детям завещал

¹⁹¹ Aboul Ghazi, I: и II: 184.

¹⁹² Aboul-Ghazi, I: IV II: 187.

¹⁹³ Aboul-Ghazi, I: IV II: 187.

¹⁹⁴ Мурзакевич, *Ор. cit.*... 6–8; Брун, Черноморье, 1: 200, II: 141.

¹⁹⁵ Heyd, *Le col. comm.*, II: 14–16. Цитов. у Бруна.

¹⁹⁶ См. выше, стр. 20.

возвратиться в старую отчизну¹⁹⁷. По свидетельству арабских историков, Изз-эд-Дин, как мы видели, оставался у татар до самой своей смерти¹⁹⁸. Другие писатели говорят, что он провел остальную жизнь у Менгу-Темира¹⁹⁹ и умер в городе Сарае²⁰⁰. Последнее едва ли можно понимать в смысле известной столицы Золотоордынских ханов: к чему было Изз-эд-Дину забираться в такую неизвестную ему даль, если ему дано было удельное владение в Крыму, который всего более мог напоминать ему его родину, Малую Азию, а особенно если он уже и без того был разочарован своим положением на чужбине? Сомнительно также и то, чтобы арабские историки, говоря о Сарае, разумели тут под ним Бакчэ-Сарай, ибо они всегда понимают его как резиденцию ханов Золотой Орды, вне Крыма находящуюся²⁰¹; о Бакчэ-Сарае же, столице Крымского ханства позднейшего времени, у них в такую раннюю пору еще и помину нет. Но вопрос о географической номенклатуре в отношении к Таврическому полуострову есть один из самых трудных. Самый полуостров не всегда назывался Крымом. Мало того: это же самое имя не искони принадлежало и тому городу, который именовался еще и Солхатом.

По этому вопросу, неизбежному для всех занимающихся историей Крымского ханства, мы также не можем дать с своей стороны категорических разъяснений, ибо и в источниках мусульманских нет таких данных, которые бы слишком превосходили своей ясностью все другие, сюда относящиеся памятники. По историческим обстоятельствам турки османские ближе всех имели соприкосновение с Крымом, именно в ту пору, когда, вероятно, были еще свежи в народной памяти местные предания, которые могли бы служить к разъяснению занимающих нас вопросов; но их историческо-географические сведения об этом крае не уступают другим в недостатке полноты и точности. Тем не менее считаем не лишним дать отчет о них. Если уже позднейшие турецкие историки географы имели не вполне определенное представление о территориальном объеме Крымского ханства, составлявшего в их время вассальную область Оттоманской империи, то не удивительно, что их соотечественники прежнего времени и подавно еще меньше знали об этом, несмотря на то, что близкая родня их, сельджуки, входили в непосредственные сношения с этой страной и владычествовавшими в ней татарами. Такое же неведение турецкие историки не усумнились приписать даже и султану Мухаммеду II Фатиху, который впервые формально простер оттоманское господство на Крымский полуостров. А между тем Мухаммед известен как человек ученый, применявший научные знания, какие в его время могли быть ему доступны, к военному делу: про него рассказывают, что до завоевания Константинополя он проводил дни и ночи за картами и чертежами, составляя план осады города. Но и про него у турецких историков находим следующий анекдот. В числе ученых мужей, стекавшихся со всего мусульманского мира под покровительство могущественных владык Османской династии, в царствование султана Мюрата II (1421–1451) прибыл в Рум, а при султани Мухаммеде Фатихе в новую его столицу Стамбул, и крымский ученый Сейид-Ахмед-ибн-Абду-л-Ла Алькырыми, иногда просто называемый Монла Кырыми. Султан очень любил беседовать с этим монлой (муллой. – *Примеч. ред.*), и вот однажды, отправляясь из Стамбула в Адрианополь, он взял его с собой. Дорогой султан спрашивает монлу: «Что это за страна Крым?» Тот отвечал, что некогда это была весьма населенная местность, так что в самом Крыму находилось до 600 ученых, способных решать судебные дела, и до 300 знаменитостей, прославившихся своими сочинениями и достопамятными делами, а теперь, мол, эта область пришла в расстройство и упадок. Когда любопытный султан, приютивший крымских мулл, эмигрировавших из своего отечества от тяжкого житья в нем, спросил своего собеседника о

¹⁹⁷ См. выше, стр. 22–23.

¹⁹⁸ Тизенгаузен. I: 103.

¹⁹⁹ Тизенгаузен. I: 154. 434.

²⁰⁰ Тизенгаузен. I: 512.

²⁰¹ Тизенгаузен, I: 306. 343, 391 и др.

причине такого расстройтва его родины, то монла Ахмед Кырыми отвечал, что в последнее время делами там заправлял один негодай-везирь, не уважавший и презиравший ученых и притеснявший их. Ученые же суть сердце государства, а страдания сердца непременно тяжко отзываются и на всех членах целого организма. Тогда султан Мухаммед передал речь монлы одному из лучших своих везирей, Махмуд-паше, с заключением, что расстройство и упадок государств происходит от неправильных действий везирей. На это сообразительный паша возразил, что во всяком случае виноват падишах – зачем он делает недостойных людей везирями и назначает на такой высокий пост негодаев. Султан Мухаммед согласился с Махмуд-пашой и одобрил его мнение²⁰².

Вышеприведенная беседа Мухаммеда II с крымским выходцем могла происходить до предприятия жадным до завоеваний султаном морской экспедиции в Крым. В ответе монлы на расспросы султана есть намек и на те смутные обстоятельства на полуострове, которые предшествовали вторжению туда турков и даже были причиной, вызвавшей это вторжение, как это мы увидим далее.

Но потом, когда пришлось от праздных разговоров перейти к действию, умный султан, вероятно, собрал все потребные ему сведения о дотоле неведомой ему области, хотя история об этом умалчивает. Но сами после него жившие и писавшие турецкие историки не особенно далеко ушли в географическом и этнографическом знакомстве с Крымским полуостровом и рассказывают вышеприведенный анекдот о знаменитом султанине только как бы в оправдание скудости своих собственных по этой части познаний, довольствуясь повторением того, что они находили у прежних арабских историков и путешественников, у которых тоже немало темного и неудоборазъяснимого в описаниях чуждых им стран и народов.

Несомненно только то, что местность, на которую в свое время простиралась власть Крымских ханов, носит в турецких письменных памятниках двойное наименование: одно, более раннее, – Дешти-Кыпчак, другое, позднейшее, – Крым. При отсутствии критической разборчивости у турецких писателей в этом отношении произошло то, что, например, еще первые Чингизиды у них величаются не только *Татарскими ханами*, но и *ханами Крымскими*: так, по крайней мере Сейид Лукман и Дженнаби титулуют Беркэ-хана «Крымский хан», «владелец Крыма», хотя такой ограничительный титул, конечно, не к лицу был владыкам громадных территорий, да едва ли в их времена еще и распространялось название *Крыма* на весь Крымский полуостров.

С другой стороны, когда исчезло с лица земли и изгладилось из памяти народов некогда страшное имя могущественных наследников Чингиз-хана, господствовавших в Дешти-Кыпчаке, так что единственными видными потомками их остались ханы Крымские, на владения этих последних перенесено было чересчур широкое старинное наименование – Дешти-Кыпчак. Поэтому у всех историков, повествующих о судьбах Крымского ханства, мы находим стереотипное географическое очертание территории этого ханства в таких пределах, каких оно никогда в действительности не имело, и которые приличествовали владениям их праде-

²⁰² Кюнгю-ль-ахбар, констант. изд. кн. V: 225–226; *Тэрджумэи Шакаи*, Таш-Копрю-заде, Констант. изд. I: 101; Невадери Сухэйли-челеби, казанск. изд. 1883, стр. 65. В константинопольском же издании последнего сочинения 1254 = 1840 г. (стр. 59) вместо монлы Кырыми выведен на сцену монла Алькюрани, учитель Мухаммеда II во время его юности, прославившийся бесцеремонностью обращения с своим царственным воспитанником, который впрочем всегда сохраняет пиеет к своему строгому учителю и впоследствии, когда сделался султаном. Кроме этой разницы в обоих изданиях есть еще один вариант: в константинопольском издании Мухаммед ссылается на историю мевляны (монлы) Ташкенди, а в казанской редакции – на «Историю» мевляны Таш-Копрю. Но если под «Историей» тут разумеется существующий его биографический словарь знаменитых шейхов и ученых, то ссылка Мухаммеда на него была невозможна, ибо Таш-Копрю-заде жил (1495–1560) и писал почти целым столетием позже завоевателя Константинополя. Таким же анахронизмом является указание и на историю мевляны Ташкенди как на источник сведений султана Мухаммеда о Крыме, потому что автор этой не находимой доселе истории дома Чингизова считается внуком Али-Кушчи, известного математика времен Мухаммеда II. Следовательно, литературная цитата есть промах всех авторов; но сам анекдот о султанине, повторенный столькими лицами, мог иметь в основе своей какое-нибудь не лишнее правдоподобности предание.

дов, ближайших наследников империи Чингиз-хана. И Дженнаби, и Аали-эфенди, и Мюнед-джим-баши, и Гезар-Фенн, и др. – все почти сходятся в этом очертании, с весьма незначительными разногласиями, ибо все, очевидно, черпали свои сведения из одних и тех же прежних мусульманских писателей, арабских и персидских. Для образца приведем описание, которое находится у Аали-эфенди, во многих иных отношениях авторитетного и ценного писателя, одного из первых османских полигисторов (эрудитов. – *Примеч. ред.*), огромная начитанность которого свидетельствуется им самим в длинном списке 130 сочинений, которыми он пользовался при составлении своего исторического труда²⁰³. Прежде всего у него есть особая географическая статья под заглавием «Глава о седьмом климате», в которой много упоминается имен, относящихся к Крыму. В этой статье мы читаем следующее: «Протяжение этого пояса, по словам прежних (писателей), 2651 фарсах; расстояние между полюсными пределами 399 фарсахов; ширина же 73 фарсаха. Из замечательных городов его суть следующие: *Азак*, городок с купеческой пристанью; *Акчэ-Керман*, в наше время известный под именем *Ак-Кермана*; населенный городок между булгарами и турками. *Унэк*, город между *Сараем* и *Каларом* (?), на берегу реки Итиля. *Британия* – остров в Океанском море. Западную область его составляет *Булгар*, населенный город на берегу реки Итиля. Там-то бывают самые длинные и самые короткие дни и ночи. *Русь*, многолюдная страна распутных гяуров к северу от Булгара. *Санть-Яго* – городок на границе *Андалусии*. *Сары-Керман* есть город между Булгаром и *Тереком*. *Сарай*, столица владений татарских – есть большой город, лежащий на западе *Хазарского моря*, на берегу реки Итиля. *Сакчи* – городок между областью *Афлакской* и *Константинополем*, при устье реки Дуная. *Солгать* – город из числа городов Крымских. *Судак* тоже из городов Крымских на окраине горы. *Трнва* – город в области *Афлакской*, к западу от *Сакчи*. *Кырк-Эрь* крепость на севере от *Сары-Кермана*, из городов Асских, находящаяся на чрезвычайно высокой горе. *Керчь* городок между *Кэфою* и *Азаком*. *Кэфа* – прекрасный город и гавань на берегу *Крымского моря*, насупротив города Тарабузана. *Кэймак* – тюркское племя, местопребывание которого в области *Терека* находится – *Маишка* (Москва?) город из *славянских*. Хотя страны *Афлак*, *Богдан* и *Эрдель* и еще некоторые места, может быть, и принадлежат к седьмому поясу, но так как все они в руках гяуров, то писавшие таблицы стран не знали о них и не записали. Что же касается до нас, то мы удовольствовались теми городами и городками, которые нам нужны были из записанных ими»²⁰⁴.

Географическое смешение разных местностей у Аали-эфенди заходит тут настолько далеко, что зауряд чередуются такие отдаленные друг от друга пункты, как Булгар и Сант-Яго если только тут вина переписчиков.

Затем Аали-эфенди дает такое описание *Дешти-Кыпчак*, буквально повторенное Гезар-Фенном и составителем изданного мною сборника. Оно находится в особом сочинении Аали-эфенди²⁰⁵. «Владения *Дешти-Кыпчак*, – читаем мы, – составляют искони принадлежащее татарскому племени обширное государство. К восточной от него стороне находятся области *Харезм* и *Анзар* (=Отрар); а к западной стороне – области *Русь* и *Булгар*. Столицы этих упомянутых владений суть города: *Крит*, *Ортак* (?), *Сарачук*, *Хаджи-Тархан*, *Азак*, *Кафа*, *Аздарган*, *Керчь* и *Тамань*. Но Тимур Гурекан и Тохтамыш-хан не раз сражались в тех странах, вследствие чего большинство их пришли в разорение. Теперь же столица татарского хана есть Бакчэ-Сарай»²⁰⁶.

²⁰³ См. печатное изд., кн. I, стр. 17–20.

²⁰⁴ Кюньгу-ль-ахбар, печат. изд., кн. I, стр. 247–218. В тексте приведенного отрывка имеются варианты по рукописи того же самого сочинения, принадлежащей Императорской Публ. Библиотеке в значащейся в отчете Публ. Библ. за 1879 год на стр. 23., под № 4. На двух последних ее страницах находится статья, соответствующая вышеприведенному отрывку.

²⁰⁵ См. мой Сборник, стр. XVIII.

²⁰⁶ Сборник, стр. А.

В приведенной выдержке географическое распространение татарского племени смешано с территориальными границами отдельных государств татарских, с присвоением имени *Дешти-Кыпчак* владениям татарского, т. е. Крымского хана. С другой стороны, самое понятие *столицы* – как-то тут уж очень расширено, если к столицам причисляются такие пункты, как Керчь и Тамань, которые никогда не были в приписываемой им роли, по крайней мере в эпоху татарского владычества.

Но у того же Аали-эфенди есть еще такая небольшая заметка специально о крымских границах. «*В изъяснение границ Крыма*. Крымская область заключает в себе сорок городов. Известные из них суть *Солгат*, *Судак* и *Кэфа*. Иногда бывает, что только город Солгат называют Крымом. Расстояние между этими городами друг от друга по одному дню пути. *Сары-Керман* лежит на западе от упомянутых нами трех городов. Но Крымская область – со времени Чингиз-хана стала во власти рода Чингизова. Столица их государства находится в Бакчэ-Сарае. Во время сочинения книги “Сокровищница сведений” – (1006–1007 = 1597–1598–1599 гг.) там властвующим ханом был Гази-Герай-хан-ибн... хан, благородный человек, искусный в музыке, прекрасного нрава, поэт, способный проявлять чудеса в метании стрел и в искусстве владеть оружием»²⁰⁷.

Еще подробнее распространяется о Дешти-Кыпчак османский историк XVII в. Ибрагим-паша Печеви (ум. 1650). Рассказав об известном химерном предприятии султана Селима II открыть прямое водное сообщение Черного моря с Каспийским посредством искусственного канала, Печеви затем счел нужным описать и ту местность с прилежащим к ней обширным пространством, где приводилась в исполнение эта довольно смелая, но безрезультатная затея. При этом Ибрагим-паша указывает источники, откуда он заимствовал материал для своего описания Дешти-Кыпчак: это суть сочинения более или менее известных писателей, как Дженнаби-эфенди, как автор «Тимур-намэ», т. е. Абдул-л-Ла Гатифи (ум. 927 = 1520–1521), как Алты-Пармак, у которых он взял относящиеся к данному предмету исторические сказания; у Ибн-Аббаса и Хазрети-Казы он заимствовал мифические предания насчет стены Александра Македонского. Эта статья в истории Ибрагим-паши Печеви начинается так: «Если бы в благородную голову друзей, пробегающих этот мой любопытный сборник, пришла мысль хоть вкратце узнать, что за страны такие Дешти-Кыпчак и Аждарган, и в обладании какого народа состоят они, то, дабы по мере возможности проскакать (мысленно) по той обширной равнине, припустим коня пера быстрого изъяснения. Да будет ведомо, что люди знающие, каковы Алты-Пармак-эфенди (ум. 1033 = 1623), Дженнаби-эфенди и автор “Тимур-намэ” об обстоятельствах Дешти-Кыпчак написали следующее»... Затем идет почти дословное повторение того, что находим у Дженнаби²⁰⁸. Иные вещи находятся в сборнике г. Тизенгаузена²⁰⁹ и у г. Шармуа в его «*Expedition de Timour-i-lenk*»²¹⁰. Самая же интересная-то часть повествования Печеви касается татар, переселившихся, во время нашествия Тимура, в Польшу и другие страны неверных²¹¹; но об этом здесь пока еще не место распространяться. Оставляя в стороне других второстепенных османских историков, обратим внимание на то, что говорит о Дешти-Кыпчак и Крыме один из позднейших исторических компиляторов, который, однако же, пользовался очень многими источниками с разбором и, насколько мог, умеючи и добросовестно, а именно Мючедджим-баши. Касаясь территориального и вместе династического формирования Крымского ханства, он, не как другие историки, отличает его, и в географическом и в государственном отношениях, от Дешти-Кыпчак, которой у него посвящена следующая статейка.

²⁰⁷ Кюнгю-ль-ахбар, печат. изд., кн. I: 228.

²⁰⁸ Ркп. Учебн. Отд. при М-ве Ин. Д. Ж 92, л. 904 г. т.

²⁰⁹ I: 457. 459 и 460.

²¹⁰ Memoires de l'Acad. des Sciences VI-e serie. Т. III. Наприм. стр. 414. об обелиске Тамерлана.

²¹¹ Тарихи-Печева, констант. изд. 1283=1866 г. Т. I: 471–473.

«*Цари Дешти*. Да будет ведомо, что граница области так называемой Дешть с южной стороны есть Астраханское море и Черное море, так что если бы не было черкесских гор, то эти два моря слились бы воедино. С восточной стороны граница ее Анзар (= Отар) Харезм, Саганак и некоторые другие области, так что она простирается от Туркестана и Хатая до пределов Чина. Это суть владения Могольские и Хатайские. На северной стороне большие степи и песчаные пустыни, да высокие горы; а что за ними, неизвестно. На западе границы ее составляют владения русские и болгарские. Татарские области, состоящие под властью Высокой Османской Державы, пограничны с этой стороной. Этот вилайет (провинция. – *Примеч. ред.*) издавна был полон селений и жителей и благоустроен был; но потом, вследствие смут Уруса и Тохтамыша, да завоеваний Тимура, пришел в разорение и опустошение. Местности этой Дешти со стороны Хатайской называются Калмыцкой степью – Моголистаном, а по направлению к русской стороне именуются Берке, прямо же по направлению по северу зовутся Дешти-Кыпчак. Иногда впрочем все это (пространство) называется Дешти-Кыпчак. Когда кого-нибудь называют падишахом Дештским, то этим хотят обозначить правящего всеми кочующими в тех степях племенами. Одна линия из царей Дэштских идет от рода Бату и Орда, детей Чучи, вплоть до Мухаммед-султан-бен-Тимур-султана. Они раньше упоминались. *Дети же Мухаммед-султана не титуловались царями Дэшти; они царями Крыма называются по той причине, что Мухаммед-султан вышеописанным образом избрал Крым столицей государства*²¹².

При всей смутности географических сведений турецких историков относительно Крыма, все же и у них, по крайней мере у позднейших, сложилось верное представление о том, что первой, как они говорят, столицей самостоятельного татарского ханства на Таврическом полуострове был город Крым, а впоследствии сделался столичным городом Бакчэ-Сарай; что, далее, город Крым, который назывался прежде Солхатом, потом дал свое имя и всему полуострову. Таким образом, города Крым и Бакчэ-Сарай имели такое же важное историческое значение внутри полуострова, какое Судак и Кафа на приморской окраине его. Но сколь важно значение обоих городов, столь же темны предания о возникновении их, разноречивы и сбивчивы толкования самого имени первого и старейшего из них – Крыма.

Толкований этимологического значения имени «Крым» много, и они собраны г. Хартахаем в любопытной статье его «Историческая судьба крымских татар». Подвергнув отрицательной критике все прежние догадки насчет имени «Крым», он присоединил к этим догадкам еще две свои. «Можно думать, – говорит он, – что название полуострова есть произвольное (?), принесенное самими татарами, а не переделанное из прежнего. Слово “крым” означает понятие отвлеченное и не есть чисто татарское, но арабское, потому что татарский язык для выражения понятий отвлеченных прибегает к посредству арабского – и значит *благодать*. Вникая в значение имен многих городов и мест Таврического полуострова, находим, что татары любили переименовывать их по-своему, что следовательно и имя столицы первых ханов дано ей татарами и имеет значение произвольное (?). Мы видим, что многие места на полуострове носят такие имена, которые явно указывают на свойство почвы, климата и местоположения... Отчего нельзя допустить, что полудикий татарин Оррам-Тимур (т. е. Оран Тимур), вышедший из голых песчаных степей Азии, получив в подарок царство, не мог назвать своей столицы (речь идет собственно об Эски – Крыме), построенной в живописной местности, *благодарью*? Другая догадка еще более (?) может подходить к делу или по крайней мере имеет больше убедительности, нежели все приведенные. Известно, что монголы и теперь называют Китайскую стену Саган-Керем. Если к этому прибавить, что хребет Яйла как бы стеной отделял татар от южного берега, куда они хотели, но не могли проникнуть, то не трудно допустить, что столица,

²¹² Мюнедджин-баши, II: 696.

построенная у этого хребта, могла называться *стеной*. Другие толкования имени первой столицы ханов нам кажутся совершенно произвольными»²¹³.

Нельзя не заметить, что конъектуры г. Хартахая несколько не правдоподобнее других, им отрицаемых. Как-то уж очень сентиментально для полудикого татарина, как г. Хартахай выражается об Оран-Тимуре, приписывать ему особенный эстетический вкус, благодаря которому он, залюбовавшись живописностью местности, с изысканностью современного европейского туриста, будто бы воскликнул: «Ах, какая благодать!» да и увековечил это восклицание за самой местностью в качестве ее имени. Но если бы даже было и так, то почему же непременно понадобилось тут арабское слово, когда приведенные в пример самим же г. Хартахаем другие наименования местностей – Бахчэ-Сарай, Чатыр-таг, Аюв-даг, Сары-Керман, Соук-су, Чурук-су, Чардахлы – все чисто татарские или общепринятые у татар персидские слова? А самое главное то, что благодать по-арабски *не крым, а керем*, тогда как слово *крым* произносится татарами с нарочитой твердостью выговора, по наблюдению самого же г. Хартахая²¹⁴. С другой стороны, перенесение названия Китайской стены на хребет Яйлу заставляет предполагать в Оран-Тимуре твердые географические познания и свежесть воспоминаний о местности, которую когда-то давно знавали предки татар до выселения их из отдаленных стран, сопредельных с этою стеною.

Г. Кондараки дважды принимается в своем сочинении за этимологию имени *Крым*. Раз он говорит вот что: «*Хырым* по-татарски значит: поражение. Слово это легко применить к событию, вынудившему татар вторгнуться в Тавриду. Караимы, древние обитатели Солхата, объясняют слово Крым подарком и приписывают название это себе, но так как раньше татар страна эта не была известна под именем Хырыма, то вероятнее всего, что оно принадлежит татарам, у которых впоследствии многие ханы именовались этим именем»²¹⁵. В другом месте толкование г. Кондараки носит уже полемический оттенок. «Так грешат, – говорит он, – наши археологи, производя последнее название этой стороны (речь о Тавриде) *Крым* от некогда существовавшего в Тавриде города Кеммериана, Кремни и т. п. сходственных имен, тогда как в сущности название это, присвоенное татарами, на их языке имеет двоякое значение: *хырым*: гибель, опустошение, или *хырымлар*: возвышенные места. Вернее же думать, что оно происходит от слова Крым, означающего на джагатайском (sic!) наречии подарок, каким действительно досталось эта страна Орану от Кипчакского хана Мангу».

Несмотря на довольно самоуверенное заявление г. Кондараки, что «сказанного нами (т. е. им) весьма достаточно для опровержения всех существующих до настоящего времени предположений о происхождении названий этого полуострова»²¹⁶, мы позволяем себе считать его этимологию не более других удовлетворительной и несколько их не опровергающей, и вот на каком основании. В числе производных существительных от глагола *кырман* – «резать, рубить, сокрушить, уничтожить» и т. п. есть всякие, только за исключением *крым*, или, по произношению г. Кондараки, *хырым* с значением «гибель, опустошение»²¹⁷. Да слишком мудрено, чтобы отмеченное имя действия могло стать именем места. Точно так же ни в одном словаре нет значения «возвышенного места» для слова *крым*: если же существует непременно только одна форма множественного числа «*хырымлар*: возвышенные места», то это какая-нибудь особенность крымско-татарской речи, никем, кроме г. Кондараки, пока не замеченная. Равным образом и на джагатайском наречии существует слово «крым», но только оно не значит «подарок», а значит *ров*, в каковом смысле оно и встречается в известном джагатайском сочинении

²¹³ Вестн. Евр. 1866 г. Т. II. стр. 190.

²¹⁴ Вестн. Евр. 1866 г. Т. II. стр. 190.

²¹⁵ Универс. описание Крыма, ч. XIV, стр. 101.

²¹⁶ Универс. описание Крыма, ч. XIV, стр. 4.

²¹⁷ См. например Ахмед Вефька, Легджен-Османи, стр. 976–977.

«*Кысаси Рубугузи*», где в статье об Асхабах-Ухдуд читаем: «Царь приказал, велел вырыть глубокий *кырым*, зажечь в нем огонь, наложив дров с нефтяным маслом; в этот огонь он бросил тех принявших (истинную) веру и сжег их»²¹⁸. Здесь по ходу дела, очевидно, слово *кырым* означает ров, что подтверждается дальше самим автором. В конце сказания он присовокупляет объяснение слова *Ухдуд* и говорит: «*Ухдуд* значит *кырым*, т. е. *хандак*, на арабском языке». Смысл этой несколько нескладной филологической заметки таков. Автор объясняет малоупотребительное арабское слово *ухдуд* – своим тюркским словом *кырым*. Но и слово ему ли самому, или кому-нибудь из позднейших переписчиков его сочинения²¹⁹ показалось тоже удобопонятным архаизмом, и тогда явилось добавочное сопоставление с более известным и употребительным словом *хандак*, которое есть арабизованное персидское слово *кэндэ* = «ров», хотя в том же месте сказания Рубугузи встречается другой чисто тюркский синоним – *чокур*. Этот последний исключительно и употреблен в том же предании, находящемся в сочинении «*Гедфтийск Тефсири*»²²⁰. Приведенное толкование слова *кырым*, в смысл рва, окопа, имеет более всего вероятности в применении к изъяснению известного имени города и полуострова, и оно по справедливости находит себе сторонников среди ученых исследователей²²¹. Весьма обыкновенное явление, что многие местности носят двойное наименование: одно, так сказать, официальное, другое – ходячее, употребительное в обыденном говоре населения. Последнее чаще всего содержит в себе указание на какой-нибудь выдающийся, характерный внешний признак данной местности, иногда подразумевавшийся и в прежнем имени, но с течением времени утративший свою рельефность и забывшийся. Так, например, турки еще до завоевания Константинополя, имея доступ в него, подслушав, вероятно, ходячее у окрестного греческого населения выражение «в город», и не очень заботясь о точном смысле его, превратили его в собственное имя города, подобно тому как, например, в новейшее время проживающие в Константинополе европейцы постоянно слышат на улицах и базарах турецкую фразу *бана бак*, что значит: «посмотри на меня», т. е., по-нашему, «послушай-ка!», превратили ее в род особой, с бранным оттенком, клички для всех турков и изменяют ее по всем падежам, каждый сообразно правилам грамматики своего языка: *банабак*, *банабака*, *банабаку* и т. д. Особенно легко прививаются в народе новые наименования, которые имеют какое-либо созвучие с прежними, не имея, однако же, никакого с ними сходства по значению. От этого, например, город Астрахань у восточных писателей является под разными по смыслу, но близкими по выговору формами. Византийский город Халкидон переименован турками в Кады-кой. Любимой чертой народов, меняющих свое место жительства, служит склонность давать новым занятым ими местностям имена прежних своих обиталищ: отсюда одноименность рек, городов и т. п., особенно бросающаяся в глаза в географической номенклатуре наших восточных окраин, а в Турции в близлежащих местностях по обе стороны Дарданелльского пролива и Мраморного моря. Это явление в народном быту служит одним из вспомогательных средств следить за историческим передвижением народных масс, как это уже замечено учеными²²². Нечто подобное надо предполагать в образовании названия «Крым» для Таврического полуострова.

Академик Кеппен, также занимавшийся этим вопросом, собрал данные, свидетельствующие о том, что первоначально Крымом татары называли древний Солхат²²³. В конце статьи,

²¹⁸ Кысаси Рубугузи. Казань, 1868. Стр. 422–423.

²¹⁹ По справке, сообщенной нам почтеннейшим и обязательнейшим Н. И. Ильинским, в одной имеющейся у него старой рукописи того же сочинения сказано только: «*Ухдуд* по-арабски значит *кырым*».

²²⁰ Казанск. изд. 1302–1885 г. Стр. 325.

²²¹ См. например статью г. Гаркави «О происхождении некоторых географических названий местностей на Таврическом полуострове в «Известиях Имп. Русск. Геогр. Общества». 1876 г. Т. XII, отд. II, стр. 54, в его же реферате, читанном на заседании VI археологического съезда в Одессе 27 августа 1884 г. «О происхождении названия Крым».

²²² Надеждин. «Опыты исторической географии» в Библ. для Чт., т. XXII, стр. 27–79.

²²³ Крымский Сборник, стр. 338–346.

посвященной Старому Крыму, у него есть любопытное археологическое сведение, а именно, «что с северной стороны города, на возвышенности, называемой ныне Ногайлы Оглу Оба, заметны следы укрепления, за коим пролегает древний ров, который, как видно, был очень глубок и продолжался до города»²²⁴. С своей стороны мы можем присовокупить, что, при посещении этой местности летом 1884 года, мы нашли заметные признаки этого рва, шедшего позади развалин старинных укреплений, близ которых круто возвышается холм, называемый у местных жителей «Кемаль-баба», по имени одного знаменитого шейха дервишей, остатки развалин монастыря которых видны еще теперь в довольно рельефных очертаниях. Нет ничего удивительного в том, что татары название этого замечательного в данной местности рва придали в качестве имени и самому городу, около которого он находился. Для татарина, как для наездника, всякая рытвина, которую не может перескочить его лошадь, есть такая же важная, непреодолимая преграда, как и крепостная стена, и потому глубокий ров в его глазах есть столь же выдающийся признак какой-либо местности, как и неприступная возвышенность. Город, к которому было вначале применено название Крыма, с течением времени утрачивал свое значение, падал и, наконец, совсем исчез, а имя его, как древнейший памятник татарского водворения в крае, осталось за целой местностью, которая, кстати сказать, не настолько обширна, чтобы название наиболее выдающегося города не могло распространиться на нее. В свое время город Москва дал же имя целому Московскому царству, отчего и город Крым не мог стать именем всей окружающей его местности, где, кроме побережных оседлых пунктов, принадлежавших генуэзцам, татарское население вело бродячую жизнь и не имело другого более важного, неподвижного пункта, который бы служил внешним выражением их племенной и вместе политической совокупности и особенности от других татар, принадлежавших к другим юртам, хоть бы, например, в отличие от самых ближайших к ним соплеменников – ногаев?

Насколько важно значение рвов в системе укреплений у степных народов, настолько же значительно могло быть для них и самое название этого оборонительного сооружения. Правдоподобность выше приведенного объяснения имени «Крым» косвенно подтверждается также тем значением, которое очень давно получил Перекоп. Это собственное имя есть только перевод татарского. Правда, что это название относилось к другому, также весьма важному в стратегическом отношении, рву, существовавшему на перешейке, но очень ранняя и широкая популярность Перекопа у русских и поляков, а чрез них и у других европейцев, так что крымских татар называли *перекопскими* и даже самого хана величали *перекопским*²²⁵, может быть приписана тождественности лексического значения его с Крымом.

Мало помогают удовлетворительному решению занимающего нас вопроса сведения более ранних арабских писателей, у которых имя «Крым» является одновременно и в значении города, и целой страны, как это мы видим у историков Рукн-эд-Дина Бейбарса (ум. 1335) в Эннувейри (ум. 1333) в их повествовании о разгроме Кафы полчищами Ногай²²⁶; или у Эльмуфаддала в его рассказе о посольстве египетского султана Эльмелик-Эззахыра к Беркэ-хану. Несколько определеннее высказывается по этому предмету арабский путешественник Ибн-Батута (ум. 1377), прямо называя Крым городом²²⁷. Немного странно только у него произношение этого собственного имени: вместо общеизвестного и общепринятого выговора, оно должно, по наблюдению Ибн-Батуты, звучать *Кырам*. Но этот любитель филологических упражнений и лингвистических каламбуров легко мог ослышаться, особенно при известной быстроте чуждой ему живой татарской речи. Случалось же с ним, что он, давая этимологическое объяснение имени Сарайского дворца, смешал два совершенно различных по значению,

²²⁴ Крымский Сборник, стр. 346.

²²⁵ См. «Историч. акты, относящиеся по России» в указателе.

²²⁶ Крымский Сборник, стр. 180–184 и 192.

²²⁷ Крымский Сборник, стр. 280.

но похожих по звукам, татарских слова «голова» и «камень», говоря, что дворец этот назывался «Алтун-ташъ» и что «*алтун*» значит «золото», а *таш* значит «голова»²²⁸. Вероятнее, что дворец назывался не «Алтун-ташъ», а «Алтун-башъ» – «златоверхий», «с золотой маковкой», как оно и есть в переводе Ибн-Батуты, который, однако же, услышавшись, подменил в то же время слово *баш* словом *таш*, не подозревая нелепости, происходящей от этой подмены.

Имя «Крым» в значении города встречается и еще у одного, близкого по времени жизни в Ибн-Батуте, арабского писателя, Эль-Омари (ум. 1348), у которого очень много географических сведений насчет Золотой Орды, полученных им из расспросов людей, бывавших в землях Золотоордынского царства по торговым и дипломатическим делам, каковы упоминаемые им Зейн-эд-Дин Омар, Джемаль-эд-Дин Абду-л-Ла Эльхисни, Низам-эд-Дин-Абу-ль-Фадаиль Яхья, сын Эльхакима Аттаяри, Хасан-Эль-Ирбили, Хасан Эрруми, Шериф Шемс-эд-Дин-Мухаммед Эльхусейни Эльвербеляи²²⁹. Эль-Омари, говоря о Дэшти-Кыпчак, зауряд перечисляет Сарай, Хarezм и *Крым*, как наиболее значительные города одного и того же государства, которое у него вообще-то называется «Домом Берке».

Другой арабский писатель, хотя из сравнительно поздних, уже по самому своему официальному званию секретаря при дворе мамлюкских султанов, также должен был иметь точные сведения относительно стран, находившихся в дипломатических сношениях с египетским султаном – это Абуль-Аббас-Ахмед-Шихаб-эд-Дин Элькалькашанди (ум. 1418–1419). Вот какая заметка сделана этим государственным человеком Египта касательно Крыма. «*Правитель в Крыме*. Это – местность к северу от Черного моря; столица ее Солхат, город на полдня (пути) от моря; теперь ему большей частью дается имя Крыма»²³⁰. Эта справка Элькалькашанди буквально повторяется еще в одном арабском сочинении конца XVI в.). Соображаясь с другими, приведенными выше, данными, можно сделать такое заключение, что во время составления этой заметки имя «Крым» стало настолько уже известно и популярно, что египетский дипломат прямо приписывает его целой стране, но, на случай могущих открыться международных сношений, оговаривается насчет употребления этого же имени и в значении города, взамен устарелого и совершенно им вытесненного прежнего имени «Солхат». Не следует ли дать точно такое же толкование и известию арабского географа Абульфеды (ум. 1331), который, еще раньше Элькалькашанди, в противность другим свидетельствам, говорит, что «“Крым” есть имя страны, заключающей в себе сорок городов», и что «это же имя прилагается в частности в городу Солхату, как столице»²³¹?

Обращаясь к нашим русским старинным письменным памятникам, мы и в них очень долго не встречаем имени «Крым» ни в одном из его значений. В «Слове о Полку Игореве» упоминаются только Тмуторокань да Готские девы из всего, что имело хоть какое-нибудь отношение к местности, ныне именуемой Крымом. Но и более поздние письменные памятники знают Сурож, знают Кафу, а Крыма не знают. Дмитрий Донской, отправляясь на войну с татарами, берет себе в проводники десять *сурожан*, как говорится в известной повести, прославляющей знаменитую Куликовскую битву²³²; а разбитый им Мамай «добеже, идеже есть град Кафа»²³³. Если же в заключительном присловии в той же повести и сказано, то «пойде вестъ по всем градом ко Орначу, *Крыму* и Кафе, к Железным Вратом, ко Царю граду на похвалу»²³⁴, то не надо забывать, что самое присловие находится не во всех редакциях повести, и, следовательно, оно могло быть присочинено и прибавлено позднее, а потому имя Крыма, или

²²⁸ Voyages d'Ibn Batoutah, par Defremery et Sanguisetti. Paris. 1854, II: 448; Тизенгаузен, I: 306.

²²⁹ Тизенгаузен, I: 208–251.

²³⁰ Qratremere, Hist, des Sukans Mamlouks, T. II, 4-ieme pertie. p. 310.

²³¹ Geographie d'Aboulfeda. trad, par Reinand. Paris. 4848. T. II: 282.

²³² Русск. Ист. Сборник Погодина, т. II. кв.1. стр. 25.

²³³ Русск. Ист. Сборник Погодина, т. II. кв.1. стр. 66.

²³⁴ Русск. Ист. Сборник Погодина, т. II. кв.1. стр. 68.

Крима, надо полагать, здесь есть такая же новейшая вставка, какой несомненно оно является в Густинской летописи, в которой читаем о Св. Князе Владимире: «Прием же Володымер славный и крепкий град Греческий Корсунь (ныне же тамо *Крим*), и весь той остров, глаголемый Тавриду»²³⁵. Равным образом летописный рассказ о путешествии князя Юрия Дмитриевича «в Крым зимовати» в 1432 также носит все признаки несовременного описываемому факту происхождения, ибо находится в списках позднейшей, компилятивной редакции, Воскресенском²³⁶ и Никоновском²³⁷. Упоминание имени «Крым» в наших летописях становится обычным, заурядным лишь в конце XV в., да и то сперва в каких-то смутных и неопределенных выражениях, вроде того, что, например, «Приходи царь *Киреим* Гириев сын с Татар под Коломно»²³⁸; или: «Приде царь Мингирей *Крымской* Перекопские орды»²³⁹. В первом случае географическое название «Крым», искаженное в «Киреим», обращено в личное имя хана; вторая же фраза звучит аналогично со старинным наименованием известного Тамерлана «Темир Железный», где татарское слово сопровождается русским переводом. То же самое замечаем и относительно Крыма: Менгли-Герай назван царем *Крымским*, а добавочные слова «*Перекопские* орды» можно рассматривать как пояснительный русский перевод незнакомого еще тогда слова *Крым*, из которого сделано прилагательное *Крымский*. В таком же, вероятно, смысле хан Менгли-Герай иногда называется у наших летописцев просто «Перекопский царь»²⁴⁰. Сбивчивость наших летописей по части географических сведений заметна в них даже и в том случае, когда речь идет о таком громком событии, как утверждение Османского владычества на Крымском побережье. В одной летописи сказано коротко: «Того же лета царь Турьский взял Кафу и *Крым*»²⁴¹; в другой находим не более пространную заметку: «О взятии Кафы и *Крым*. Того же лета Туркове взяша Кафу... Азигирееву орду *Крым* в *Перекоп* осадиша дань давати»²⁴².

Летописцы заносили сведения о том, что творилось на белом свете в отдаленных странах, понаслышке, и потому не удивительно, что географическая номенклатура чуждых земель представляла для них большие затруднения. Но насколько имя «Крым» долго было непривычно вообще для русского уха, это всего очевиднее явствует из «Хождения за три моря» Афанасия Никитина, который самолично был на Таврическом полуострове, возвращаясь через него из своего далекого и долгого странствования. Этот любознательный и наблюдательный человек, трижды подряд упомянув в своем «Хождении» о Кафе, даже назвав, хотя в несколько искаженном виде, Балаклаву и Гурзуф, ни одним словом не обмолвился о Крыме²⁴³.

В памятниках официальных сношений Москвы с татарами вообще и с ханством Таврического полуострова в частности название последнего Крымом, или Крымским встречается также не раньше конца XV в., и не вдруг становится заурядным, общеупотребительным. Вначале замечается как будто некоторая сомнительность или нерешимость касательно официального употребления этого географического термина; не говорят: «в Крыму», а говорят: «в Орде у царя у Менгли Гирея»²⁴⁴. Такая осторожность в выражениях московских дипломатов, вероятно, проистекала из неясности политического положения основателя Крымского ханства, вследствие чего они сосредоточивали все свое внимание на личности самого Менгли-Герая, а не на его государстве, существование которого было до поры до времени проблематическим,

²³⁵ Пол. Собр. Рус. Лет., т. II: 253.

²³⁶ П. С. Р. Л., VIII: Vб.

²³⁷ Никон. Лет., V: 109.

²³⁸ П. С. Р. Л., III: 198.

²³⁹ П. С. Р. Л., IV: 134; VIII: 215.

²⁴⁰ П. С. Р. Л., V: 41; VI: 35; VIII: 213.

²⁴¹ П. С. Р. Л., VI: 200.

²⁴² П. С. Р. Л. VIII: 181.

²⁴³ П. С. Р. Л., VI: 344 и 351.

²⁴⁴ Памятники диплом. снош. Москов. государства с Крымской и Ногайской Ордами и с Турцией. Сиб. 4884. Т. I: 23.

на что имеются довольно прозрачные намеки в наказе Алексею Старкову. Устами этого посла московское правительство обратилось к хану с укорительным запросом насчет его действительных отношений к Кафе, где русские купцы подверглись грабежу и избиению. Старков должен был держать такую речь к хану от имени великого князя Московского: «Говорил еси моему боярину Миките о Кафе, а зовешь Кафу своими людьми. Ино ведаешь сам, волный человек, что в Кафе моего посла Прокофья пограбили, да колко гостей моих перебили в Кафе»²⁴⁵. Позднее же, когда окончательно выяснилась прочность власти Менгли-Герая, московская дипломатия стала точнее обозначать в своих посольских грамотах его владения. Тогда появляется имя «Крым», и притом одновременно в двух значениях – области и города. Так, в наказе боярину Шеину, отправленному в 1487 году послом к Менгли-Герая, впервые определенно упоминается о Крыме в смысле известной области, как это видно из выражений наказа: «Ино на весне оттоле из *Крыма* не ездити... А учнут Муртоза и Седихмат цари кочевати *межи Дону в Крыма*, в Дмитрею (Шеину) не ехати ж к великому князю оттоле из *Крыма*... Да толко Орда учвет кочевати *межи Дону и Крыма*, и Дмитрею однолично оттоле из *Крыма* не ехати»²⁴⁶. Ясно, что здесь составители наказа понимали Крым в смысле целой области, ибо с значением города как-то несовместимо определение кочевания татар между этим городом, лежащим на полуострове, и рекою Доном, протекающею по материковой земле. Но рядом с этим мы встречаем употребление имени «Крым» и в значении города, как это явствует из сопоставления этого имени с именами других городов же – Кафы, Тамани, Очакова. Так, в грамоте Великого князя Ивана Васильевича от 1496 года читаем: «Да гость великого князя Иван Весаков дорогой *в Кафе* стоял на подворье у селянина, да розболелся; и селянин его выслал *в Крым*... и Иван дорогой *в Крыму* умер»²⁴⁷. В другой грамоте, названной «Памятью князю Семену», от 1198 года также говорится между прочим: «Коли ты меня не велишь проводить *до Крыма*, или *до Тавани*, или *до Менли-Гиреева городка до Ячакова*, что на усть Днепре, а людей со мною мало, и яз еду назад к своему государю»²⁴⁸.

Впоследствии, при более частых и усиленных сношениях с новообразовавшимся в нашем соседстве ханством, географическая номенклатура наших письменных памятников пополнилась наименованиями разных местностей Таврического полуострова; в том числе находим даже и «Старый Крым» – название, явившееся на смену прежнего простого «Крыма». Но замечательно, что в памятниках русской письменности не встречается имени «Солхат» для обозначения какого-либо географического пункта, ни в правильной, ни в искаженной форме, – имени, которое было известно всем другим народам – византийцам, генуэзцам, арабам, касавшимся географии Крымского полуострова в эпоху татарского владычества, по делам практической необходимости или только из простого ученого любопытства. Неведение русских о Солхате есть факт столь же замечательный, сколь и трудный для объяснения. Но, не останавливаясь на бесплодных догадках, посмотрим, что имеется у самих татар пригодного для разрешения сомнений относительно древнейшего центра их власти на Таврическом полуострове, пережившего на своем веку целых три имени – Солхат, Крым и Эски-Крым. Все, что есть относящегося к этому вопросу, заключается в скудных данных нумизматических, в немногих официальных документах, да в отрывочных народных преданиях, попавших и в исторические сочинения татарско-турецкого происхождения.

Из данных первой категории в нумизматических кабинетах имеется множество монет, битых в городе Крыме. Старейшая из них принадлежит хану Менгу-Темиру, чекана 665 =

²⁴⁵ Памятники диплом. снош. Москов. государства с Крымской и Ногайской Ордами и с Турцией. Сиб. 4884. Т. I: 12.

²⁴⁶ Памятники диплом. снош. Москов. государства с Крымской и Ногайской Ордами и с Турцией. Сиб. 4884. Т. I: 67.

²⁴⁷ Памятники диплом. снош. Москов. государства с Крымской и Ногайской Ордами и с Турцией. Сиб. 4884. Т. I: 236.

²⁴⁸ Памятники диплом. снош. Москов. государства с Крымской и Ногайской Ордами и с Турцией. Сиб. 4884. Т. I: стр. 261.

1266–1267 года²⁴⁹. Г. Блау тоже дает описание одной монеты, битой в Крыму²⁵⁰, которую он считает куманской, а следовательно, еще более древней, нежели вышеупомянутая, описанная г. Савельевым. Затем следует целый ряд монет позднейшего чекана с именем Крыма²⁵¹. Есть монеты, битые в разных местностях Крымского полуострова – в Кафе, Бакчэ-Сарае, Карасу-Базаре, Балаклаве, однако между ними нет ни одной с именем Солхата и Эски-Крыма.

Последнее обстоятельство тем особенно обращает на себя внимание, что находится в полном согласии с другими историческими памятниками татарской категории. Старейший в этом роде подлинный документ есть ярлык Тимур-Кутлука и относится к 1397 году. В нем дважды упомянут Крым – зауряд сперва с Кырк-ером, а потом с Кафой²⁵². Другой подобный же документ – ярлык Сьадет-Герая, от 930 = 1524 года, носит пометку: «В городе Крыме»²⁵³. Ярлык Мухаммед-Герая I, от 923 = 1517 г., помечен: «В благословенном Крыму»²⁵⁴. Между ярлыками коллекции В. В. Григорьева один ярлык Селямет-Герая, от 996 = 1588 г., также помечен: «В городе Крыме». На ярлыке Менглы-Герая, от 1498 года, имеющемся в русском переводе, значится: «Писано в Крыме городе»²⁵⁵. Но ни в числе старых, ни позднейших татарских грамот не находится таких, в которых бы значилось, что они писаны в Солхате или в Эски-Крыме. Такой замечательный факт, как отсутствие обоих географических имен на монетах и в официальных документах, не мог быть делом простой случайности.

Что касается до Солхата, то этимологическое объяснение этого имени проще всего находят в татарском языке, считая это имя составленным из двух слов тюркского корня *сол* – «левый», и *кат* – «сторона». Таким образом, имя Солхат должно было принадлежать одной только части города, по отношению к другой, которой обязательно было называться *Солхат* = «правая сторона»²⁵⁶. Сколь ни правдоподобно это объяснение, все же полной его несомненности мешают следующие обстоятельства. Во-первых, выражение «правая и левая сторона», или «правое и левое крыло» – имело уже место в официальной монголо-татарской терминологии для обозначения рангов высших сановников государства²⁵⁷ и потому если оно могло опять употребляться для обозначения частей того или другого города, то разве в обыкновенном, вульгарном говоре у местных жителей. Между тем имя «Солхат» известно было, и даже предпочтительно, иностранцам: мы его находим в договоре, заключенном кафским консулом с татарами в 1380 году²⁵⁸, да еще у арабских географов. Сами же татары, будто бы создавшие это имя, игнорируют его. Во-вторых, если бы имя «Солхат» впервые стало употребляться татарами, и в том смысле, в каком предполагают ученые комментаторы, то едва ли бы первоначальное значение его до того изгладилось из памяти народной, что татарские историки, также интересовавшиеся вопросом о происхождении этого имени, нашли совсем иное ему объяснение, облеченное в форму целой легенды. Рассказав о вероломном поступке Сейид Ахмед-хана, который после тщетной сорокадневной осады Солхата обманом заставил жителей сдать и потом перерезал их, а городские укрепления разрушил, Сейид Мухаммед Риза сообщает такие предания касательно истории этого «бесподобного города». В прежнее время, говорит Риза, местность, на которой расположен этот город, принадлежала к Кафской пристани, служа сборищем купцов персидских и франкских, привозивших сюда разные европейские и азиат-

²⁴⁹ Записки Имп. Археолог. Общ. Т. XII. вып. первый, стр. 270, № 491.

²⁵⁰ Восточные монеты Музея в Одессе, № 400.

²⁵¹ Блау. стр. 93, указатель.

²⁵² Березин, Тарханные ярлыки. Казань. 1851. Стр. 4–5.

²⁵³ Березин, Тарханные ярлыки. Казань. 1851. Стр. 20.

²⁵⁴ Зап. Од. Общ., VIII, Тарх. ярл., стр. 18.

²⁵⁵ Пам. дипломат. снош., стр. 278.

²⁵⁶ Изв. Геогр. Общ. Т. XII. Отд. 2, стр. 55.

²⁵⁷ Березин, Ханские ярлыки, II, 23, примеч. 2.

²⁵⁸ Notices et Extraits, XI: 52–58.

ские товары, которыми наполнялись и пестрели шалаши, палатки, деревянные дома и саманные мазанки. Благодаря превосходному климату и чудесному воздуху, население и строения все умножались, и мало-помалу возник целый город, обнесенный ради безопасности сильной крепостью, к югу от Кафы при подошве высокой горы Агармыш, названный Солгатом. В ту пору один из богатых купцов предпринял сооружение большой мечети и, из усердия угодить Богу, присоединил к материальным пожертвованиям еще и личные старания: одетый в старое платье, он таскал вместе с другими работниками глину. Только проезжает мимо купец и везет двадцать выюков татарского мускуса. Строитель мечети полюбопытствовал узнать, что за товар везут. Торговец, поглядев на грязную, рабочую одежду его, презрительно ответил: «Подходящего тебе товара тут нет». Сконфуженный таким ответом торговца, строитель тотчас же сполна заплатил стоимость мускуса и велел свалить его в размешанную для постройки стен мечети глину, сказав мастерам: «Вали!» (по-татарски: *сал*) и «Меси!» (по-татарски: *кат*). Оттого-то и самый город получил название *Салкат*²⁵⁹. Автор «Краткой Истории» повторяет вышеприведенный Ризой рассказ, даже обозначает время основания города Солхата, полагая, что оно имело место приблизительно в 300 = 912–913 году²⁶⁰, но только совершенно опускает подробность о словах, будто бы сказанных благочестивым строителем и сделавшихся именем города, где произошла описанная забавная сцена. Отвергнув этимологию имени «Солхат» от *сал* и *кат*, показавшуюся невероятной, автор «Краткой Истории» не дал, однако же, взамен ее никакой другой, которая бы сколько-нибудь подкрепляла конъектуру об образовании этого имени из татарских слов *сам* и *кат*; а повод был к такому производству, и, вероятно, историк воспользовался бы им, если бы представлялись только данные.

Не большим правдоподобием отзывается татарское народное объяснение другого имени того же города – «Крым». В этом объяснении оно связывается с личностью одного героя, которому оно первоначально принадлежало. У ногайских татар существуют предания, имеющие характер национальных родословий. В одном таком предании говорится, что предок Ногайцев был Улус. Сын его Байрас имел трех жен: старшая жена называлась Ток-Саба, вторая – Тута-Ары, третья – Ак-Манклай. От первой и второй жен у него было по семь сыновей, от третьей два сына. Первым семи сыновьям мать их дала (общее) имя Етишкэ-Оглу, другим семи их матерью дано имя Еди-Сан, двум последним дано имя Гэльче. Оттого-то ногайцев и называют «детьми трех матерей». Общее же для всех их в совокупности имя «Татар-Тоб» и просто «Татар». Из этих-то татар один молодец, по имени Кырым, пришел на Зеленый Остров, который в то время был юртом франков. Кырым пришел для торговли, для каковой он потом отправился в Исламбул и являлся там к вельможам падишаха Исламбульского. Они спрашивали у Кырыма, что за местность, в которой он жил и откуда теперь прибыл. Кырым расхваливал все, что было на том Зеленом Острове – соль, сады, бакчи, горы, города, села, деревни. Тогдашний Исламбульский падишах предпринял поход, взял генуэзско-франкские владения на Зеленом Острове и завоевал тот остров. Из генуэзцев никого не осталось: они бежали, а жившие внутри страны приняли мусульманство и остались. Вот по имени того молодца Кырыма назван был Кырымом и Зеленый Остров по завоеванию его. А молодец-то Кырым пошел к своему народу Татар-Тоб на прежних местах и стал приглашать его на Зеленый Остров. Большинство, послушав его слов, пожелало перебраться на Зеленый Остров; иные же отказались и не пошли. Тогда уходившие сказали им с укоризною: «Ну что вам доброго в том, что вы отстанете от нас»? По-татарски это так: «...нэ онггайсыз», отсюда и взялось будто бы прозвище *Ногай*²⁶¹.

Все составные элементы вышеприведенного предания, в отдельности взятые, совершенно правдоподобны. Имя *Крым* носили у татар и люди, даже исторические личности, каков был хан

²⁵⁹ Семь планет, 77–78.

²⁶⁰ Кр. Ист., л. 28 v. и 29 г.

²⁶¹ Рукописный сборник Алеем-Гази-Джирау-бен-Абд-л-Ламонлы из деревни Эвельки-Кагач. 1847 г. Стр. 11.

Крым-Герай. Не редкость были и переселенческие движения ногайских племен из их кочевий на Кубани и Тереке в Крым, хотя они случались уже спустя много времени после утверждения там татарского владычества: очевидно, легендой и увековечена память о подобных переселениях, и притом, вопреки исторической истине, в связи с историей целого края. На это указывает, между прочим, присвоенное легендой ногайским племенам имя Татар-Тоб, в котором легко можно усматривать географическое название одной местности на реке Тереке – Татар-Тоба²⁶². Вымысленность мнимого факта изобличается тем, что он представляется одновременным со вторжением в Крым турков-османлы и изгнанием ими генуэзцев – с таким событием, которое одно только исторически и верно в целом предании, но зато совершилось в ту пору, когда имя «Крым» уже было известно и популярно. Что особенно любопытно в легенде – это название Крыма «Зеленым Островом», которое является древнейшим, по народному воззрению. Не находя пока никаких, ни этимологических, ни исторических данных, которыми бы оправдывалось это воззрение, мы не можем однако же совершенно игнорировать его и считать произведением чистого вымысла народной фантазии: к возникновению его в народных преданиях могло дать повод какое-нибудь действительно историческое явление или событие, которое может со временем разъясниться. С этой точки зрения не лишен некоторого значения также еще один факт в татарских народных сказаниях, который будет приведен ниже по вопросу о третьем названии одного и того же исторического города, об «Эски-Крыме».

Относительно имени «Эски-Крым» было замечено, что оно не встречается на татарских монетах. То же следует сказать и о письменных памятниках. Самое раннее известное нам упоминание его принадлежит русским памятникам, где татарский эпитет «Эски» – является в русском переводе «Старый». В Крымских Делах под 1585 годом читаем: «Калга да Саламет-Кирей пошли к *Старому Крыму* и пришли в Кафу»²⁶³. Карамзин, говоря об умерщвлении ширинского бека Бахтияра, «господствовавшем в *Старом Крыму*» в 1531 году, тоже ссылается на Крымские Дела²⁶⁴, но не делает выписки из них. Из татарских памятников письменности имя «Эски-Крым» однажды попадает в «Краткой Истории»²⁶⁵, да еще встретилось в казы-эскерском дефтере № 36 за 1113–1115 = 1701–1703 год; в других же дефтерах, и то не раньше 1085 = 1674 года, знаменитый город называется или, с заменой тюркского эпитета «Эски» арабским «Атык»²⁶⁶, или же просто без всякого эпитета²⁶⁷.

Толкуют, что слово «Эски», означая «старый, древний», будто бы может служить эпитетом, «напоминающим минувшую славу города Крыма после перенесения столицы (ханской) в Бакчэ-Сарай»²⁶⁸. Но, сколько нам известно, такое безотносительное употребление тюркского слова «эски» не находит себе оправдания ни в коренном значении его, ни в каких-либо аналогичных примерах. Обыкновенно в смысле «старинный, матерый, кондовый» в турецком языке употребительно другое слово – «коджа» = «старик, старец»: турки, например, говорят «Старые Балканы», «Старый Дунай», и т. п. Эпитет же «эски» по общему правилу является при географических собственных именах всегда для отличия одной местности от какой-либо другой, действительной или предполагаемой, так что для большей части имен городов и местечек с эпитетом *эски* подыскиваются дублиеты с противоположным эпитетом «ени» = «новый», как, например, Эски-Загра и Ени-Загра, Эски-Джумеа и Ени-Джумеа, Эски-Шегер и Ени-Шегер, и т. п.²⁶⁹. Существует даже Эски-Истамбул, да еще не один, а целых два – один на малоазиат-

²⁶² Путешествие Иосафата Барбаро. Спб. 1836. Стр. 438.

²⁶³ Ист. Гос. Рос, X: пр. 100.

²⁶⁴ Ор. cit., VII: пр. 301.

²⁶⁵ Кр. Ист., 39 г.

²⁶⁶ Например в №№ 18, 28, 29, 37, 55, 62.

²⁶⁷ Например в № 26.

²⁶⁸ Памятная книжка Таврич. губ. Симферополь. 1867. Стр. 294.

²⁶⁹ См. в «Легджен-Османиэ» Ахмед-Вефыка.

ском берегу Архипелага, против острова Тенедоса, а другой на Балканском полуострове, неподалеку от Шумлы и Правади²⁷⁰. Есть полное основание полагать, что это имя дано турками обоим местностям в каком-нибудь соотношении с Константинополем, который сам по себе, конечно, город не новый, но как «Стамбул», столица Оттоманской империи, в глазах турок все же не очень древний. К этому соотношению могли дать повод туркам какие-нибудь исторические соображения, например археологические памятники, существующие в местах нахождения обоих Эски-Истамбулов: первый из них лежит на развалинах древнего города Антигонии; в соседстве второго, а именно там, где город Правади, видны какие-то громадные железные кольца на утесах, которые, по местному народному преданию, во времена оные служили ложем для морского пролива, вроде Босфора, и пристанищем для кораблей, причаливавших к означенным кольцам²⁷¹.

В силу такого вышеизъясненного общего правила естественно предполагать, что и «Старый Крым» явился в соответствии с каким-нибудь «Новым Крымом». Это предположение, к сожалению, находит себе опору в нумизматическом факте: нашлись татарские монеты, на которых местом чекана значится «Город Крым *Новый*», как обыкновенно переводится эта легенда нашими учеными нумизматами²⁷². Я сказал: к сожалению, потому что факт этот не только не помогает разрешению вопроса о Старом Крыме, а еще более запутывает его: приходится отыскивать Новый Крым, где таковой находился. Позволяем себе прямо и решительно утверждать, что все поиски Нового Крыма будут тщетны, так как существование города или местечка с этим именем более чем сомнительно. Такое убеждение сложилось у нас на основании следующих соображений. Кроме «Крыма *Нового*» нумизматам известны еще, как места чеканки монеты татарской, «Сарай *Новый*», «Булгар *Новый*», «Гюлистан *Новый*», «Хаджи-Тархан *Новый*», «Маджар *Новый*», «Саганак *Новый*», «Улус *Новый*», «Орда *Новая*». Из этого как будто выходит, что коли был Сарай *Новый*, то должен был существовать и Сарай *Старый*, что если был Булгар *Новый*, то должен был существовать и Булгар *Старый*, и т. д. Замечательно однако же, что все эти *Новые* Сарай, Булгары и проч. доселе пока значатся лишь на монетах, никаких же других археологических признаков действительного существования дублетных географических пунктов ученым исследователям не удалось в точности констатировать. Оказывается, судьба так была безжалостна, что не пощадила ни одного из вышеперечисленных географических дублетов для избавления ученых от напрасных трудов по отысканию этих дублетов. Нам кажется, что это отыскивание есть погоня за призраком, созданным себе самими же учеными. Дело в том, что эпитет, который нумизматы переводят русским словом *Новый*, или немецким *Neu*, на всех татарских монетах этого интересного типа выражен арабским словом *эль-джедид* или *эль-джедидэ*. Ни разу не встречается на монетах весьма, казалось бы, приличествующего в данном случае чисто тюркского слова *янги*, *ени* – «новый», исключая одного «Янги-Шегра», «аральского Новгорода», как называет его покойный Савельев²⁷³. Что же это могло значить? Кроме эпитета *джедид* при именах мест чеканки татарских монет мы встречаем еще некоторые другие, и все взятые из арабского языка, как-то: «богохранимый», «высочайший», «благоустроенный», «превознесенный», «досточтимый». Город Крым большей частью является на монетах без всякого эпитета; а из эпитетов чаще других стоит при нем «богохранимый»²⁷⁴; иногда встречается эпитет «досточтимый»²⁷⁵.

²⁷⁰ Nostras, Dictionnaire géographique de l'empire Ottoman. Spitzburg. 1873. Стр. 15.

²⁷¹ Hammer. Rumeli and Rosna. Стр. 32.

²⁷² Записки Имп. Археолог. Общ., т. XII. вып. 1, стр. 111, № 259 и стр. 244, № 153; Влай, Восточные монеты, № 558.

²⁷³ Зап. Археол. Общ., т. XII. вып. 1-й. стр. 37, 289 и 307.

²⁷⁴ Например в Зап. Арх. Общ., цитов. том, стр. 184; Fraehn, Numophylacium. стр. 61.

²⁷⁵ Numophylacium, стр. 58.

Во всех случаях замечается одна и та же тенденция татарских минцмейстеров (начальников монетных дворов. – *Примеч. ред.*) щеголять замысловатыми, и притом непременно арабскими, словами, употребляя их в качестве добавочных изысканных, высокопарных приложений к имени места чеканки. Вычурность в этом случае иногда заходила так далеко, что эпитет выражался целой фразой: «Бито в городе Крыме, да сохранится он от бедствий»²⁷⁶. Что арабские прозвища были своего рода щегольством в Золотоордынском царстве, это явствует из примера хана Тудан-Менгу, который отправлял нарочитое посольство в Египет с просьбой к тамошнему султану о даровании ему какого-нибудь «мусульманского прозвища»²⁷⁷. Ничто не мешало распространить это щегольство и на монетные легенды. Изобретать же и сочинять замысловатые эпитеты и выражения для торжественных актов проявления татарско-ханского величия было кому, ибо Ибн-Батута застал уже в Крыме и шейхов, и имамов, и кадиев, и хатыбов²⁷⁸ – одним словом, всевозможных представителей мусульманско-арабской учености, которые, конечно, не упускали случая блеснуть своей ученостью и знаниями в арабском языке. У историка Эль-Айни рассказывается, что в 1427 году к султану египетскому «прибыло письмо от завладевшего Крымом лица, по имени Даулет-Бирди, состоявшее из прекрасных фраз, которые заключали в себе двустишия, стихотворения и поговорки, переполненные разными риторическими затеями, оборотами и украшениями. Оно было прочтено султану, и слуга нижайший (т. е. автор) присутствовал при этом в собрании. *Но ни читавший, ни другой кто не понимали содержащихся в нем (письме) тонкостей*»²⁷⁹.

²⁷⁶ Зап. Арт. Общ., цитированный том, стр. 298–296.

²⁷⁷ Тизенгаузен, Сборник. I: 68, 105 и др.

²⁷⁸ Тизенгаузен, Сборник. I: 280.

²⁷⁹ Тизенгаузен, Сборник. I: 533–534.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.